

Телефон зазвонил так неожиданно, что я вздрогнула. С трудом оторвалась от своих записей на компьютере и взяла трубку. Как ни странно, это был мой дорогой сын Николай. Разгар рабочего дня, в это время из лаборатории он никогда не звонил. Сноха, работающая вместе с ним в НИИ, меня тоже не беспокоила.

— Ма, ты вечером никуда не уйдешь?

— Не собиралась. А что случилось?

— Пока ничего. Но мы с Иркочкой к тебе приедем после работы. Есть серьезный разговор.

— Приезжайте, конечно. Буду рада...

Прихватив телефон, я отправилась в кухню. Сначала пообедала, потом принялась за приготовление ужина на всю компанию.

Вообще-то я нелюбопытна. Но разговор явно имел отношение ко мне, поэтому я была заинтригована. Что такое у них могло случиться? Зачем потребовалась срочная встреча со мной?

Николай — мой единственный сын, доставшийся мне очень непросто — известный эпидемиолог, занимается особо опасными инфекциями. Работает в НИИ заведующим лабораторией. Его семья — мои самые дорогие и близкие люди. Сноха Ирина — переводчик в том же институте, полиглот, кроме множества африканских языков знает основные европейские. Чем мне она нравится? Во-первых, очень умная. А во-вторых, уравновешенная и спокойная. Служит противовесом для моего вспыльчивого и заводного сына. У них растет славный молодец Сергей, мой внук тринадцати лет от роду. А еще у них живет кот Кузя — полноправный член семьи с большим самомнением, любит всех, но фамильярности не допускает.

Живет эта дружная семейка в трехкомнатной квартире в прекрасном новом доме на другом конце нашего мегаполиса, в новостройках, куда добираться на общественном транспорте далеко и неудобно. Встречаемся мы очень редко, в основном по семейным праздникам.

Конечно, когда начинаю хворать, меня опекают и лечат, я не чувствую себя одинокой и брошенной. Это естественно — болячки, накопленные за жизнь, частенько дают о себе знать. Но с возрастными недомоганиями пытаюсь справляться самостоятельно. Лечусь, как умею, глотаю горстями ядовитые таблетки. Иногда вызываю себе скорую. Но я стараюсь не обременять собой близких. Им и так хватает забот: сложная работа, да и внук в том возрасте, когда требуется особое внимание родителей.

Я хорошо помню себя в его годы, помню, как хотелось почаще быть рядом с отцом и матерью. И вдруг подумала: а что я знаю о своих родителях? Очень мало...

Они познакомились во время войны на Карельском фронте. Мама была штабной радисткой, а военная специальность отца осталась для меня загадкой. Когда я задавала об этом какие-то вопросы родителям, мать с отцом переглядывались, отвечали уклончиво или вовсе отмалчивались.

Отец был призван на фронт, хотя к тому времени стал крупным ученым. Насколько я знаю, после войны его специальностью были радары, возможно, и на фронте он занимался ими же. Поженились мои родители уже после Победы. Оба имели и награды, и тяжелые ранения, оба во время войны подолгу отлеживались в госпиталях, потом опять возвращались к месту службы. Детей у них не было долго, война сделала свое черное дело. Наконец родилась я — поздний, долгожданный ребенок.

Отец не разрешил матери работать, его зарплаты вполне хватало, наша семья не бедствовала. Мама, получившая военную закалку, воспитывала меня строго, сентиментальность у нее была не в чести. За подростковые проделки мне от нее здорово попадало. Но отец, без конца мотавшийся по стране в командировках, меня баловал, за что его постоянно попрекала мама.

Он привозил мне такие игрушки, которым многие послевоенные девчонки могли только позавидовать. Помню, что у меня были какие-то настольные игры, прекрасный кукольный сервиз и даже раскрасавица кукла с закрывающимися глазами. Кукол таких в нашей стране тогда еще не делали — откуда ее достал отец? До сих пор представить не могу.

Свои редкие выходные дни отец с удовольствием проводил вместе со мной: зимой водил меня на каток, летом мы с ним совершали дальние вылазки на велосипедах, по вечерам он рассказывал мне всякие житейские истории... Я помню его большие ловкие руки, добродушные интонации голоса. Ну а самое главное, именно от него я услышала замечательную биографию своего деда.

Мама тяжело заболела, когда я готовилась к экзаменам на аттестат зрелости. На выпускном вечере я не была, в этот день были похороны. Но я окончила школу с золотой медалью и легко поступила в медицинский институт.

Мы с отцом старались поддерживать друг друга, но без мамы наша огромная квартира стала совершенно пустой. Он спасался от одиночества на работе, а я за учебником анатомии. Но его военное ранение неожиданно напомнило о себе: начал движение осколок в легком, отец умер на операционном столе. Мне было восемнадцать лет, когда я осталась совершенно одна.

Помню только, что какие-то чужие люди приехали целой бригадой, забрали всю огромную отцовскую библиотеку и, как я понимаю сейчас, весь его архив вместе с личными документами. У меня остался только его орден Красного Знамени с удостоверением и моя собственная метрика.

Я не страдала от одиночества. Мы с отцом жили в огромной ведомственной квартире с казенной мебелью. После его смерти меня из нее выселили, предоставив взамен маленькую однокомнатную квартирку. Правда, помогли с переездом. Помню, что я с трудом втиснула на свою новую жилплощадь наш семейный скарб. Потом еще долгое время раздаривала ненужные вещи соседям и знакомым...

С тех пор прошло полвека. В прошлом месяце мне исполнилось шестьдесят девять лет. Почти семьдесят. Я давным-давно на пенсии и уже пребываю в том возрасте, когда остаешься без друзей. Как там сказал классик? «Иных уж нет, а те далече...» Умер муж, умерла единственная, верная еще с юности, подруга...

Когда работала заведующей отделением в больнице, подчиненными были молодые девушки и женщины, некоторые даже младше сына. Работали дружно, проводили вместе дни рождения и праздники, а когда ушла с работы, то вдруг поняла, что нас, кроме работы, ничего не связывало.

Сейчас обязанностей у меня никаких нет. Все годы пенсионного безделья тщетно искала, чем заняться, да так и не нашла. Но решила: главное — не опуститься до сидения на лавочке и сбора сплетен с такими же скучающими пенсионерками.

Зимой — концертные залы и музеи, куда иногда удается вытащить не только внука, но и его родителей, несмотря на их глобальную занятость. Летом подолгу жили с мальчиком на даче, выезжали с ним на многодневные экскурсии на автобусе и даже на теплоходе.

Когда-то по осени мы с ним гуляли в парке, шуршали листьями, что ему очень нравилось, пока был маленьким. Потом у внука появились свои заботы, приятели, уроки. И я осталась совсем одна.

Годы пролетают как один день. Все время вспоминаю Окуджаву: «Чем дольше живем мы, тем годы короче...» И мне иногда даже страшно становилось, что я так и не нашла для себя никакого занятия, которое захватило бы целиком. С компьютером у меня хоть и дипломатические отношения, но вполне справляюсь, идти на курсы по его изучению смысла нет. Английский язык в магазине «Пятерочка» не требуется, я хромаю с юности, поэтому курсы танцев для пожилых мне тоже не подходят. Вышивать и шить я не люблю. Ну и чем прикажете заниматься?

И вдруг в старых справках и документах, которые хранятся в отдельной папке, я нашла свое свидетельство о рождении, метрику, как говорили в пору моего детства. Я долго изучала его, словно видела в первый раз, все разглядывала и разглядывала, снова и снова читала фамилии, имена и отчества родителей.

И вдруг осенило: вот чем я буду заниматься! Буду искать своих предков. Это ведь целых четыре прямых линии, а там еще появятся боковые... Вот где работы непочатый край!

И я принялась за дело. Сначала решила взяться за отцовскую линию. Я мало знала о жизни отца до войны и после, и совсем ничего мне не было известно о его военном прошлом на Карельском фронте. Но не век же прошел после окончания войны! Я была уверена, что обязательно найду следы отца.

Биографией деда тоже заняться было несложно, надо только списаться с хабаровскими краеведами... Именно поэтому я решила идти по хронологии, копать надо было глубже. Нашла в архивах следы прадеда, а потом и прапрадеда — Алексея Васильевича Попова.

Надо сказать, сын и невестка уважительно отнеслись к моим изысканиям. Николай очень волновала история деда, моего отца, и он с нетерпением ждал, когда я наконец вплотную займусь его биографией.

Эта работа меня очень увлекла, чего я совсем не ожидала. Довольно легко я научилась не только копать в исторических справочниках в Интернете, но, что самое главное, освоила новое для себя архивное дело. Научилась работать с пожелтевшими от времени документами, рыться в пыльных папках, разыскивая знакомые фамилии и пытаюсь установить родственные связи между своими предками.

И, что не менее важно, я подружилась с архивистами — настоящими подвижниками, которые, будучи сами ходячими энциклопедиями, готовы ответить на любой вопрос, относящийся к тому или иному времени, к той или иной биографии. За смешные деньги эти подвижники всю жизнь копаются в документах.

Эти люди не перестают удивлять меня: с такой готовностью приходят тебе на помощь, не давая утонуть в биографиях и датах, с такой радостью выкладывают

на стол запрошенные протертые от времени справки и документы, что создается впечатление, что эти две недели они и работали только на тебя...

Я совсем забыла о времени, поэтому, когда зазвонил домофон, не сразу сообщила, что это приехали мои дети. Мы хорошо поужинали, попили чаю с вареньем, и я наконец задала вопрос, которого от меня, видимо, ждали.

— Ну, выкладывайте, какие у вас проблемы?

Ирина выразительно посмотрела на мужа. Он набрал воздуха в легкие и выпалил на одном дыхании, как мальчишка:

— Ма, ситуация такая... Моей команде предложили очень интересную работу в Намибии... На полгода. Ирку командируют вместе с нами переводчиком. Эта страна многоязычная, без переводчика никак...

Все сразу стало понятно. Особой проницательности для этого не требовалось.

— Продолжай...

— Если ты согласишься пожить эти полгода с Сережей, будет прекрасно. Но если нет — ничего страшного. Мы можем отказаться, мои коллеги поедут без меня. Ирине тоже замена найдется...

— Хотя поработать в этой стране очень интересно, — вздохнув, закончила я его фразу.

Мои детки тоже дружно вздохнули. Воцарилось долгое молчание. Слишком сильно огорошили они меня своей просьбой.

— Это очень опасно?

— Мама, не начинай...

С тех пор как мой сын увлекся особо опасными инфекциями, а это было еще на институтской скамье, когда он все каникулы проводил в обществе лабораторных животных, зараженных какой-нибудь страшной болезнью, я приставала к нему с этим вопросом.

— Чем ты будешь заниматься?

— Чумой в основном. Немного холерой... Мама, я эпидемиолог, а не инфекционист — вспомните разницу, доктор... Я не лечу больных, я изучаю пути распространения инфекции.

Я опять только вздохнула.

— Ты согласна остаться на полгода с Сережкой?

Ира потеряла родителей в автомобильной катастрофе еще десять лет назад. Других родственников у нас нет. Помощи ждать неоткуда. Но... не то чтобы меня пугала перспектива жизни с внуком, которого сейчас не очень хорошо знаю, но возникал слишком резкий перекося в жизни. Я много лет живу одна. Саши, моего мужа, давно нет на этом свете. А я живу. Занимаюсь только теми делами, которые придумываю сама себе. У меня нет никаких обязанностей ни перед кем, я ни за кого не отвечаю. Даже два года назад похоронила любимую собаку, умершую от старости. Теперь моя жизнь круто повернется, а вот в какую сторону, я пока не понимаю.

— Ладно, — наконец сказала я, и две пары родных глаз впелись в меня. — Когда вы должны ехать?

— Недели через три... Сразу после Нового года.

— Принципиально я не против, но должна все серьезно обдумать. Вы не боитесь, что я буду лупить вашего сына?

— Мы будем вам очень признательны, — с готовностью согласилась Ира.

— Он знает, что ему предстоит полгода терпеть бабку-зануду?

— Мы пока ему ничего не говорили. Но, думаю, у него выбора нет, придется соглашаться на все условия.

— Ладно, — вздохнула я. — Оформляйте свои командировки. Я не хочу, чтобы мои дети меня проклинали за эгоизм. Я согласна. Время все обдумать у нас есть. Вы подготовьте ребенка, а я начну подготавливать себя. Это будет серьезный процесс...

Мы еще поговорили о разном, в том числе и о Сергее. Теперь его проделки интересовали больше, чем в прежние времена — они будут касаться непосредственно меня. Наконец я получила пару счастливых поцелуев, и дети, сдерживая радостное возбуждение, отправились домой.

Надо было все обдумать и взвесить. Когда внук был совсем маленьким, моя помощь была очень нужна. В свое время я посидела в няньках в очередь с Ириной мамой, второй бабушкой. Потом не однажды оставалась с ним, отпуская родителей то в театр, то в гости и даже в короткие туристские поездки. Но я тогда еще работала, и жизнь с внуком на даче, круизы и экскурсии с ним были мимолетной нагрузкой, в обязанности мои входило только соблюдение режима сна и кормления. Может быть, еще поддержание порядка и необременительное внимание к детским вопросам и проблемам.

А вот жить рядом с внуком-подростком — это совсем другое дело. Кажется, у меня с ним нет ничего общего: ни соцсетей (не пользуюсь), ни айфона (обхожусь простеньким телефоном), ни книг (он читает электронные книги, а я предпочитаю бумагу), ни фильмов (что он смотрит, понятия не имею), ни других точек соприкосновения. Я понятия не имею, что интересует моего внука, не знаю, как его дела в школе, есть ли друзья, и какие они. Придется во все это вникать.

Не могу сказать, что я полна энтузиазма от предстоящих перемен. Приходится признаться себе в том, что я давно стала махровой эгоисткой и поэтому делать усилия, чтобы вникать в подростковые проблемы, мне сейчас не слишком хочется.

Поразмышляв над этим некоторое время, я успокоила себя тем, что есть время все обдумать и подготовиться — это, во-первых, а во-вторых, вспомнила старую истину: надо решать проблемы по мере их поступления, не забегая вперед. Пугает пока только одно: проблемы придется решать самостоятельно, посоветоваться не с кем, поскольку родители отрока будут далеко в Африке.

Ну, так что, наверное, пора вернуться к компьютеру. Что мне удалось накопать? Получилась вот такая интересная история...

В 1727 году всего в четырех верстах от границы с Китаем, на берегу маленькой речки Кяхты, Савва Лукич Рагузинский, который тогда возглавлял русское посольство в Поднебесной, основал крепость-поселение. Было это в самую Троицу, и потому крепость называли Троицкосавск.

Довольно быстро это поселение стало набирать силу и уже в 1805 году получило статус города. Вместе с торговой слободой Кяхтой, слившейся с ним, он приобрел славу еще одного богатого купеческого города Российской империи. Именно Троицкосавск снабжал ее китайским чаем, сюда ввозились шелковые и хлопчатобумажные ткани, фарфор, серебро, жемчуг, драгоценные камни. Здешние купцы имели оборот до пяти миллионов в год и жили на широкую ногу. В Троицкосавске был свой клуб, с музыкантами и хором, в общественных садах проходили праздничные гулянья, православный собор привлекал прихожан своим величием...

А в слободе организовался кружок кяхтинских учителей и врачей, любивших литературу. Здесь собирались образованные, читающие люди, вели долгие беседы, свободно рассуждали о политике и даже могли вынести приговор модным литераторам. Собирались любители словесности в огромном доме самого богатого кяхтинского купца Темчинова.

Известный гостеприимством и радушием хозяин вот уже третий месяц принимал у себя старшего из братьев Бестужевых Николая Александровича, ссыльного

художника. Отбив каторгу, братья жили на поселении в соседнем Селенгинске. О них в Кяхте шла добрая слава: сами себя обеспечивали, открыли школу для детей русских и бурят прямо в доме своего друга, тоже бывшего каторжанина Торсона. Ученики в этой школе получали столь прочные знания, что легко поступали в гимназии в крупных сибирских городах.

Николай Бестужев заглядывал и на собрания литературного общества. Особенно внимательно он относился к молодым педагогам из Троицкосавска, двум закадычным друзьям, учителям уездного училища Алексею Попову и Дмитрию Давыдову. Дружили они с детства, несколько лет назад сами окончили это училище и теперь в нем преподавали. Дмитрий был уже знаменит как поэт. Его стихи из «Думы беглеца на Байкале» — «Славное море, священный Байкал...» разнеслись по всему Забайкалью, их знали уже не только в Троицкосавске и в просвещенной Кяхте.

Сегодня в доме у Темчинова было больше народу, чем обычно. Троицкосавских учителей, едва вошедших с мороза, тут же окружили друзья, Дмитрия куда-то увлекли, а к Алексею подошел Николай Александрович.

— Не замерзли? — спросил художник, пожимая руку учителю. — Пойдемте-ка со мной. — Николай Александрович повлек учителя в глубину дома. Они вошли в одну из самых больших комнат, которую Темчинов отвел Бестужеву для мастерской, и присели на уютное канапе. — Я вот что спросить хотел у вас, Алексей Васильевич: довольны ли вы своей жизнью в Троицкосавске?

— Грех жаловаться, Николай Александрович. Работу свою люблю, ученики слушаются, умнеют, чего же еще учителю желать? Конечно, тоскливо бывает от училищной рутин и однообразия. Но соскучимся — съездим с Дмитрием сюда в Кяхту, образованных людей послушаем, новости узнаем.

— У вас, говорят, сынок есть?

— Есть... — Алексей не удержался от улыбки. — Уже восьмой год пошел. Хочется, конечно, ему хорошее образование дать, какому-нибудь делу научить... Но это уж как Бог пошлет.

— Знаете, я ведь кое-что предложить вам хотел... именно вам одному. Поскольку у друга вашего, я слышал, мать очень больна.

— Да, третий год с постели не встает. А с осени совсем плоха стала...

— Вот потому-то я и говорю только с вами... Есть у меня поручение от головы Селенгинска найти для нашего города частного учителя. Хотя бы одного на первый случай. Я и нашел, кажется. Я вас имею в виду. Дело в том, — продолжал Бестужев, — что наше сибирское начальство и слышать не хочет об открытии хотя бы приходского училища... А дети растут, их учить надобно. Что русских, что бурят. Вот я и предлагаю вам об этом серьезно подумать. Наш городской голова обещал специальный дом построить, с классом для занятий с детишками. В нем же будет и ваша квартира. И жалованье будете от города получать приличное.

— Да зачем Селенгинску частные учителя, когда есть такая прекрасная школа, как ваша? Кто может больше детям знаний дать после вас?

— Шибко не хвалите, Алексей Васильевич... Тут, знаете ли, есть одна хитрость: не все родители — что купцы, что мещане — желают обучать детей в хорошей школе. Они считают, что вполне достаточно и четырех действий математики да основы русского языка. И никакие убеждения не действуют. Ведь их самих не учили ни в каких школах, а вон какого финансового успеха сумели достичь! Но детей учить все равно надобно. Ну, так что вы думаете по этому поводу?

— Ох, не знаю, Николай Александрович...

— Я никакого ответа сейчас от вас и не прошу. Подумайте хорошенько. Переговорите с женой. С тем же Дмитрием... Но и про своего сынишку подумайте. Ему ведь тоже расти и развиваться надобно. Я обещаю, что и рисованию мальчика вашего

обучу и французскому языку... А наш Селенгинск тоже богат замечательными образованными людьми. Подумайте — и соглашайтесь! Ей-богу, не пожалеете!

— Конечно, Николай Александрович, предложение заманчивое. Так хотелось бы рядом с вами пожить, уму-разуму поучиться. А если бы сын в вашей школе учился — такая радость была бы нам с женой...

Вскоре из заштатного города Селенгинска от его головы было направлено письмо на имя штатного смотрителя троицкосавских училищ: «...Мы изъявляем желание и совершенную готовность в Заштатном Селенгинске иметь частного учителя для обучения обоего пола детей здешних жителей: чтению, грамоте, письму и первым четырьмя действиями арифметики...»

Через две недели Алексей Васильевич вместе с женой и сыном выехал в Селенгинск...

Именно в Троицкосавске, в этом старинном сибирском городе, я нашла первые следы своих предков. Вернее, одного, который, по-видимому, и был тем самым частным учителем, направленным в Селенгинск... Звали его Алексей Васильевич Попов. Судя по всему, был он сыном местного священника, отца Василия. Оттого, наверное, и носил фамилию Попов.

Я откинулась на спинку компьютерного кресла и вздохнула с облегчением. Мой первый пращур найден. Этот яркий фрагмент его биографии убедителен. Какая же я молодец, что взялась за свой род, за поиски предков!

И еще я подумала, что из-за переезда на временное место жительства мне придется отложить поиски предков. Теперь эту работу надо будет притормозить: вряд ли у меня будет время на бдения в архивах и исторических отделах городских библиотек. Было очень жаль: только-только начала вплотную изучать жизнь следующего своего предка — сына Алексея Васильевича Попова Владимира — рядового сибирского чиновника. Самое потрясающее, что мне удалось найти в архиве его послужной список с описанием пути от должности к должности... Но ничего не поделаешь, придется остановиться. Оставим на время прошлое в покое. Будем жить сегодняшним днем.

Миновали новогодние праздники, и вот он наступил — день Ч. Сын приехал за мной на машине, когда за окном уже было по-зимнему темно. Погрузили в багажник имущество, которое мне может понадобится. Конечно, предугадать все наверняка не удалось. Мне еще не раз придется съездить на свою квартиру за чем-то оставленным или забытым, да и проверить, все ли в порядке, тоже будет необходимо.

Когда мы с сыном втащили в квартиру мой багаж, Ирина и внук уже ждали нас за накрытым столом: вылет сына и снохи завтра утром. Кое-как расставив мои дорожные сумки и пакеты по углам, сели ужинать.

Николай тут же начал зудеть, давая последние наставления отпрыску. Тот в основном отмалчивался, оценивающе поглядывая на меня. В его глазах я улавливала всю гамму переполнявших чувств: и любопытство, и настороженность, и обиду оттого, что придется так надолго расстаться с родителями.

— Ну, хватит, — прервала я затянувшиеся нотации сына. — Мы разберемся.

— Уже поздно, — подхватила Ирина. — Пусть идет спать. Сергей прекрасно знает, что с бабушкой Верой не забалуешься.

Серезка сузил свои зеленые глаза, прикрытые пушистыми ресницами, и впился в меня ядовитым взглядом.

— Бить будешь?

— Обязательно, — согласилась я, — папа оставит мне свой самый большой ремень.

— Экзекуцию будет очень легко проводить, — подхватил Николай, — нужное место будет как раз перед бабушкиными глазами.

Сергей за последние пару лет очень вырос, и, кажется, этот процесс продолжался с удвоенной силой. В младших классах тема его роста очень волновала наше семейство. Сережа был самым маленьким среди ровесников. На беду свою, в четвертом классе он страстно увлекся баскетболом, ловко забрасывал мяч в кольцо и даже был принят в спортшколу. Тренировался успешно, но из-за маленького роста на игры его не ставили, сидел все время на скамейке запасных и даже получил обидную кличку «Последний за крайним» или, наоборот, «Крайний за последним».

После горьких переживаний, обид и даже слез семейный совет постановил: баскетбол оставить и заняться чем-то другим. Остановились на шахматах. Мой сын Николай серьезно занимался ими с детства, в спортшколе получал разряды и даже дошел до мастера спорта. И Сергея приучил к этой игре очень рано. Они часто проводили вечера в совместных баталиях, затягивающихся до позднего вечера.

Но переключить внука на серьезные занятия шахматами не удалось, игра так и осталась домашним увлечением. Но, после того как был оставлен баскетбол, буквально через полгода Сергей вдруг начал стремительно расти. Перерос на полголовы отца, а нас с матерью и говорить нечего. Любовь к баскетболу осталась с ним, иногда он даже бегал в зал поиграть, но время для серьезного занятия этим видом спорта было упущено.

Он помахал нам рукой, деланно глубоко вздохнул и, направляясь в свою комнату, произнес:

— Пойду оплакивать свое будущее...

Завтра я должна основательно поселиться в спальне сына и снохи, а сегодня мне постелили в большой гостиной, с высокими потолками и большими окнами. Дом высотный, квартира сына на шестом этаже. Сквозь плотные шторы просвечивал уличный свет. Я, конечно, никак не могла заснуть. Когда тебе под семьдесят, начинать новую жизнь, брать на себя ответственность за внука, за его здоровье и мозги, пусть даже на полгода, — очень большое испытание. Сколько ни старалась, до утра я так и не заснула.

Время до отъезда в аэропорт пролетело незаметно. Были даны торопливые последние советы и наставления. И, уже когда ждали такси, Ирина вдруг спохватилась.

— Сережка, я совсем забыла! Я ведь тебе на весну байкерские ботинки купила! Крутые. Как ты хотел...

Она бросилась в кладовую. Вытащила огромную коробку и достала из нее какие-то немыслимые ботинки, блестящие металлическими заклепками, с длинными ремнями с пряжками.

Сергей даже не подошел к матери. Разглядывал обувь из глубины своей комнаты.

— Не нравятся? — разочарованно протянула Ирина.

— Ма... Ты мне обещала ничего самостоятельно для меня не покупать...

— Не угодила, матушка, — заметил отец. — А я ведь тебе говорил — не спеши.

— Они, знаешь, сколько стоят? — чуть не заплакала Ирина. — Неужели совсем не нравятся?

— Они страшные.

— Страшные?!

Сергей наконец подошел к матери, сверху вниз с сожалением посмотрел на нее, аккуратно сложил ботинки в коробку и торжественно на вытянутых руках понес в свою комнату. В дверях оглянулся и выразительно посмотрел на меня.

— Ремни — это всегда страшно...

— Ладно, клоун... — покачал головой Николай. — Оставь свои ботинки, и давайте посидим на дорожку.

Присели на диван. Внук посередине, родители, крепко обняв его, по бокам. Помолчали.

— Что вам привезти из Африки? Ты, Серега, что хочешь? Маску?

— Зачем мне еще одна? У меня что, африканский музей? Ты мне год назад привез одну, и хватит.

— Согласен. Придумаем что-нибудь другое. А тебе, мам, чего хочется? Там бывают всякие статуэтки из слоновой кости...

— И бижутерия красивая... — подхватила Ирина.

Я отмахнулась.

— Перестаньте. Я что, ребенок?

Зазвонил телефон. Такси стояло возле дома. Сергей выскочил первым и побежал к машине. Распахнул дверцу и торопливо полез на заднее сиденье автомобиля. Николай его одернул.

— Сережа, сколько раз я тебе повторял, как надо садиться в машину! Открой заднюю дверцу и подожди, пока устроятся бабушка и мама. Потом садись сам. А дверцу за собой надо закрыть аккуратно и бесшумно.

— Да ладно, пап. Сейчас не до нотаций.

Когда все уже заняли свои места, Николай повернулся с переднего сиденья назад к сыну.

— Это не нотации, сынок. Я тебе говорю о поведении воспитанного мужчины. Мы тронулись в аэропорт.

Через день заканчивались каникулы. Сережка полдня где-то прогулял с друзьями, с аппетитом пообедал. И засел за компьютер, плотно закрыв за собой дверь в комнату. Николай меня предупредил, что закрываться Сергею запрещено — как еще контролировать его бдения возле монитора? Что он там смотрит? Что слушает? С кем переписывается? Но начинать отношения с внуком с замечаний мне не хотелось. С родителями обсуждался и такой вопрос: стучаться или не стучаться в дверь, если она оказывается закрытой? Для первого раза я решила промолчать и придумать какой-нибудь повод для вторжения на его территорию в таких случаях.

Каникулы окончились. Утром сквозь сон он услышал знакомый, но почему-то неожиданный в своей комнате голос:

— Подъем!

Ярко вспыхнул свет, и Сергей сразу вспомнил: бабушка!

Насчет внезапного зажигания света по утрам у него были многолетние баталии с мамой. В конце концов пришли к соглашению, что утром свет будет зажигаться в коридоре. Обычно мама стояла на пороге до тех пор, пока вялая рука сына не протягивалась к бра, и он сам не включал свет. После этого дверь в комнату закрывалась, и Сергею ничего не оставалось, как вставать и одеваться. Но сейчас на пороге стояла бабушка, которая была не в курсе, и, отложив до вечера все объяснения на этот счет, он вздохнул и только проговорил:

— Я проснулся. Закрой, пожалуйста, дверь.

Итак, снова родная школа. В классе шумно, каждый орет что-то свое: все делятся впечатлениями о каникулах. Сначала Сергей поздоровался за руку с Венькой. Так уж принято у мальчишек — здороваться непременно за руку. Несмотря на каникулы, они за эти дни встречались нечасто, зато подолгу болтали по телефону.

Венька все дни пропадал в Доме техники со своими роботами. Даже участвовал в каких-то соревнованиях. Но Сергей роботами не интересовался, хотя из вежливости делал вид, что заинтересован. Он огляделся. Ничего нового, все как обычно

после каникул. Никита Семенов ездил куда-то с родными за границу, рассказывает сумбурно, ни фигя не понять.

А вот Петр Иванович — почему-то в классе его зовут Петром Ивановичем, — как всегда собрал вокруг себя пацанов, своих вассалов, которые смотрят ему в рот и выполняют его распоряжения. Частенько нелепые, между прочим.

Сереза осторожно покосился в сторону Надежды. Она стояла в толпе девчонок, хлопала пушистыми ресницами, сверкала синими глазами и маленькими серезжками, которые демонстрировала девчонкам, тесно ее окружившим.

Вообще-то в школе достаток родителей не принято было демонстрировать — слишком пестрым был микрорайон. Здесь в элитных домах жили люди весьма обеспеченные, а в соседнем районе еще сохранились коммуналки... И как-то так получилось, что родители не выделяли своих детей, одевая их лучше других.

Мальчишки и девчонки одевались примерно одинаково, по подростковой моде — потертые джинсы и яркие кроссовки, не отличишь, у кого дороже, у кого дешевле... Главное, чтобы сверкали тощие голые лодыжки, высунувшиеся из по моде коротких носков. Даже навороченными смартфонами не принято было хвастаться. Есть — и ладно. У кое-кого был только простенький телефон, ну вот у Петра Ивановича, например.

Но Надежда всегда выделялась. После очередных каникул она непременно приходила в чем-то новом. Мать одевала ее, как куклу. По крайней мере, всем пацанам так казалось. Дело в том, что отец Нади был всего-то каким-то ученым, но вот ма-тушка — не кем иным, как дизайнером подростковой одежды. И, по словам Нади, очень известным. И все свои новые наряды для девчонок она проверяла на дочери.

Девочкам в школу положено было являться по принципу «темный низ, свет-лый верх», так вот таких нарядных блузочек со складочками, бантиками и всякой другой мишурой не было ни у кого из них. Надежда даже на показы с матерью куда-то ездила. Чуть ли не в Петербург. Там по подиуму вышагивала. Подруги захлебывались от зависти, слушая ее.

Петр Иванович еще в прошлом году прозвал Надю Барби, и это прозвище прилипло к ней, казалось, навеки. Она не обижалась. Сергею казалось, что ей даже льстит имя этой противной куклы с раскосыми глазами, расположенными почему-то на висках...

Надя Смирнова Сергею нравилась с пятого класса. Во-первых, не пыталась курить, а когда рядом кто-то выражался, морщилась и отходила в сторону. Ну, в общем, Надя, в отличие от многих девчонок в классе, не старалась казаться крутой и вела себя естественно.

Сергей попытался вспомнить еще что-то хорошее о Барби. Что же еще? В принципе, он мало что о ней знал. Ну, слышал, что она иногда ходит в музеи и театры с мамой-дизайнером. Вот и все. К тому же в их непростых отношениях была одна такая история...

Дело в том, что в точных науках Надежда плавала. Как в море. Ничего не знала, не понимала, но как-то умудрялась выползать с тройки на четверку. А с помощью Сергея однажды получила даже четыре с плюсом. Все в классе давным-давно забыли эту историю. Но Серезжа вспоминал о ней, хотя и без особой радости.

Дело было перед Новым годом: конец четверти маячил совсем близко, контроль-ные сыпались на голову как из рога изобилия, изображение которого он когда-то видел в музее. Математичка устраивала очередную проверочную работу, и, как всегда, в двух вариантах. Списывать друг у друга было невозможно, поскольку варианты давались разные. Надежда подошла к Сергею на перемене и умоляюще заглянула ему в глаза. Она молчала, и он тоже молчал. Он любил ее так дразнить: хотя бы в дни контрольных Надя целиком зависела от его милости. Почему-то других желающих ради нее бросаться на амбразуру в классе не оказалось.

— Сережа...

Он молчал и смотрел в сторону, избегая ее умоляющего взгляда.

— Ну, пожалуйста! Я уже Наташку уговорила сесть с Венькой. Ну, пожалуйста!

Потянув еще немного и торжествуя временную победу, Сергей благосклонно кивнул.

Дело в том, что на математике и физике Сережа всегда сидел с Вениамином. Венька нравился Сереге. С ним всегда было интересно. Конечно, он был дохлятик, но зато голова... Все контрольные по математике и физике всегда на пять. Сочинение так напишет, что на цитаты можно разбирать. Им было интересно друг с другом. Они одинаково быстро соображали, одинаково легко усваивали материал.

Вениамин фыркнул как кот, когда Наташка плюхнулась на скамейку рядом с ним. Сергей, не глядя на него, забрал со своего места тетрадку и ручку.

— Доиграешься ты со своей Барби.

Сергей только смущенно вздохнул и пересел на место рядом с Надеждой. Он легко решил оба варианта — свой и Надин. Они сдали свои работы раньше остальных. И какова благодарность?

Выскочив из класса на перемену, она даже не улыбнулась ему. А убежала с девочками в столовую и на следующем уроке уже сидела рядом со своей преданной Наташкой, такой же далекой от математики. Это было неприятно, можно сказать, даже противно. И он в который раз дал себе слово больше Надежде не помогать.

Но история с этой контрольной получила неожиданное продолжение. Когда через несколько дней математичка проверила работы и принесла в класс стопку тетрадей, то, как всегда, раздавала их со своими комментариями. Но вдруг ее голос потеплел, она замолчала, подошла к столу Надежды и, восхищенно глядя на нее, произнесла почти трагическим шепотом:

— Наконец-то ты раскрылась, Надя! Я даже представить себе не могла! Это что-то необыкновенное, ребята! Все, у кого был этот вариант, непременно посмотрите, как нужно подходить к решению самых простых задач. Я поздравляю тебя, Надя! Ты решила задачу таким оригинальным способом, что я сама бы, наверное, не сразу к этому пришла! Оказывается, у тебя такой тонкий ум!

Ну и так далее. Класс замер, а потом разразился гомерическим хохотом: ни для кого не было секретом, у кого ум тонкий, а у кого не очень. Математичка ничего не поняла, но на Надю посмотрела очень подозрительно.

Ну а сейчас Надежда весело болтала с девочками, не обращая на Сережку никакого внимания.

А Петр Иванович помахал ему рукой.

Отношение Сергея к Петру Ивановичу было странным. Он его не понимал и не слишком старался понять. В классе ходили всякие слухи: вроде бы связан он с какой-то очень подозрительной компанией, девочки шептались даже про наркотики, правда, Сергей им не слишком верил.

Говорили, что Петр Иванович частый гость в отделе по делам несовершеннолетних. В это поверить было можно, на переменах его видели в компании с десятиклассником Кореньковым, который был постоянным гостем полиции, таким же подозрительным типом, как и сам Петр Иванович. Он откровенно курил и матерился, его побаивались многие мальчишки в школе.

Еще Сергей знал, что живет Петр Иванович с матерью, которая работает консьержкой в многоквартирном доме, что отец его с ними не живет и, как это ни странно, служит в полиции... И у многих возникали подозрения, что Петр Иванович попадает туда по собственному желанию, чтобы лишний раз встретиться с отцом. И хотя Сергей не относил себя к числу покорных Петровых вассалов, но в душе, как и другие, слегка его побаивался и старался не конфликтовать — себе дороже.

Венька попробовал было один раз поконфликтовать. Чего они там не поделили, никому не известно. Он даже Сергею ничего не объяснил. Говорили, что вроде бы Петр Иванович что-то такое ляпнул. Дело в том, что отец у Веньки русский, а мать еврейка. Вполне возможно, что Петр Иванович сказал по ее поводу какую-то гнусность. Но, может быть, это и неправда. Вообще-то Венька от природы был человеком уравновешенным, рассудительным. Ну а тут полез в драку. Да еще с кем! Это Венька-то! Тощий, небольшого роста, тщедушный... После стычки с Петром Ивановичем он неделю ходил в синяках.

Отец его потом приходил в школу, говорил с одноклассниками, директором, Петром. Тому, говорят, крепко досталось и от собственного отца, которого вызывали в школу. Конфликт потихоньку сошел на нет, но о нем не забыли.

Сергей подошел к Петру Ивановичу спокойно. Почему-то ему казалось, что тот считается с ним больше, чем с другими.

— Не парься, Серега... Кончай на Надьку пялиться. Надька, конечно, телка клевая, но Кореньков узнает — мало не покажется.

Свита Петра Ивановича подобострастно захихикала.

Про Коренькова Сергей, конечно, знал. Тот был откровенным поклонником Надежды. Сергей подозревал, что по уму они подходили друг к другу. Нашлись, так сказать, родственные души.

— Ты куда пропал? За все каникулы ни разу на тусовки не приходил.

— Так погода была плохая: то ли снег, то ли дождь. Что на улице-то делать?

— Да мы ничего и не делали. Потусуемся, потолкаемся и разойдемся. А все-таки со своими...

— Небось, опять с мамочкой в музей ходил? — вякнул Никитка Семенов и в ожидании одобрения взглянул на Петра Ивановича.

Сергей его терпеть не мог за глупость и подхалимство и ответил достаточно резко:

— И в театр тоже, фуфло...

— Небось, оперу смотрели?

— Оперу, чувак, не смотрят, а слушают...

— Ах-ах... — захохотал Никита, воодушевленный молчанием Петра Ивановича. — Какие мы интеллигентные...

Сергей не выдержал.

— Может, ты заткнешься все-таки? Я, конечно, стараюсь быть интеллигентным человеком, как учит меня мама, но могу и в ухо некоторым врезать, как велит папа.

Остальные мальчишки с интересом наблюдали за происходящим и только переводили взгляд с Петра Ивановича на готовых сцепиться одноклассников.

— Заткнитесь-ка оба... — как-то равнодушно произнес Петр Иванович. — Ты, Никитка, не забывай, что Серега тебя на голову выше, и бицепсы у него круче.

Он повернулся к Сергею.

— А что нового-то?

Новость у Сергея была только одна, которая его сейчас беспокоила больше всего. И, испытывая некоторую благодарность Петру Ивановичу за вмешательство в перепалку с Никитой, он сказал:

— Предки мои в Африку укатили.

Была недолгая немая сцена. После чего Петр Иванович присвистнул.

— Вот это клево! Да ты че? И ты сейчас один?

— Прямо-таки... Ко мне бабушку приставили.

— Значит, бабушку... А я-то обрадовался, что будет где оттянуться. А бабка-то ничего? Сговорчивая?

— Нормальная.

— А у меня зверь. Чуть что — по уху так врежет, посильнее отца.

Не понимая, зачем он это говорит, Сергей произнес:

— Она иногда будет ездить домой с ночевкой. Это на другом конце города. Мотаться туда-сюда смысла нет.

Петр Иванович похлопал его по плечу.

— Вот это хорошая новость, та, что надо. Все слышали? — повернулся он к своим вассалам. — Примем к сведению.

Прозвенел звонок к началу новой четверти. Без особого энтузиазма все поплелись в класс.

Начались совместные будни. Я с утра по магазинам, потом у плиты, стараюсь готовить с учетом вкусов любимого внука.

Надо сказать, сын и невестка не стали менять школу и переводить свое чадо на углубленное обучение математики и физики, к которым у Сергея была явная склонность. Они люди принципиальные, считают, что сами получили достойное образование без специализации. И сынок пусть побольше занимается и работает над собой, тогда обучение в вузе ему обеспечено.

Но школа была явно слабовата, поэтому по средам внук ездил к репетитору по химии. Вернувшись из школы, Сергей в хорошую погоду гулял, потом долго занимался, постоянно отвлекаясь на чьи-то звонки по телефону. Уже перед сном сидел в интернете — я пока не вмешивалась. Прошло недели две, и в тот момент, когда внук хотел закрыть дверь в свою комнату, я твердо притормозила ее ногой, распахнула настежь и совершенно беспечно задала какой-то случайный вопрос. Сопротивления не было. Сергей все понял. Итак: один — ноль в мою пользу.

Но за ужином он вдруг невинно спросил:

— Ба, а что такое ПТУ?

Я пожалала плечами.

— Профессионально-техническое училище, были такие в советское время. Готовили рабочих разных специальностей для промышленных предприятий.

— Это вроде нынешних лицеев?

— Насколько я понимаю — да.

— Так получается, что Пушкин учился в ПТУ?

Я не удержалась, фыркнула. Так в чью пользу очко на этот раз?

Когда Сергей пришел из школы, в квартире была тишина. Еще утром они условились с бабушкой, что она уедет сегодня к себе домой, проверить, все ли в порядке, и останется там ночевать. Вернется завтра. С одной стороны, Сергей ощущал необъяснимую сладость свободы, а с другой, как-то уже привык и к бабушкиным шагам, тяжеловатым в ортопедической обуви, и к ее ироничному общению, и к таинственным занятиям в архиве... Он переоделся, помыл руки и направился в кухню обедать. Кузя сидел на табурете и выжидающе смотрел на младшего хозяина — он тоже предчувствовал вкусный обед.

— Нет... — вдруг решительно сказал ему Сергей. — Еду надо заработать. Я, например, получил пятерку по физике, а ты? Чем ты заслужил свой «Вискас»?

Он задумался на секунду и приступил к решительным действиям.

— Значит так, Кузя... Мы будем обучаться команде «сидеть». Я буду командовать, а ты — садиться. За это получать небольшую пайку. Чем быстрее научишься, тем больше получишь. Понял?

Кузя вопросительно смотрел на него, словно осозная, что ему предстоит. Сергей снял kota с табуретки и поставил на пол. Кузя решительно направился к своей миске. Но в Сергее уже вспыхнул азарт дрессировщика.

— Нет, — он развернул кота к себе. — Повторяю еще раз: я говорю: «Сидеть!», ты садись, после чего получаешь «Вискас». Итак, сидеть!

Он сильно надавил коту на спину и прижал его к полу. Кузе это не понравилось, он брезгливо отряхнулся и поднялся.

— Еще раз: сидеть!

Сергей опять надавил коту на спину, Кузя предупреждающе зашипел.

Сергей своего кота не боялся. Что только ни вытворял он с ним в детстве, но ни разу не получил от Кузи отпора. Поэтому он вернул его на прежнее место, потряс перед носом кота пакетиком вкусного корма и снова попытался скомандовать свое «сидеть!», надавив на его спину.

И тут... Кот рывкнул. Прыгнул и... Сергей завопил.

— Идиот! Я тебя сейчас убью!

Но Кузя рванул из кухни. Только дернул хвостом на прощанье. В спальне он забился под широченную родительскую кровать, и достать его оттуда было невозможно.

В моей квартире частенько случаются наводнения: соседи сверху постоянно ее заливают. И, по рассказам соседей, такое бывает на всех девяти этажах нашего дома. Надо было съездить домой и проверить обстановку. Уехала специально к вечеру, а вернуться пообещала на следующий день днем. Внук внимательно выслушал, в каких кастрюлях заготовлен обед, молча кивнул, вздохнул, взял свой рюкзак и, наклонившись, чмокнул меня в щеку, уходя в школу.

Дома было все в порядке. Я полила цветы, вытащила из почтового ящика ворох рекламных листовок, нашла папку с записями о предках, которую при отъезде впопыхах забыла. Перед самым сном позвонила Сергею. Он отчитался по всей форме.

— Уроки сделал. Обед и ужин съел. Ложусь спать.

— Спокойной ночи, внучек.

— Спокойной ночи, бабуля, — в тон мне ответил он.

Вернувшись днем на следующий день я, конечно, обследовала все углы квартиры и ничего подозрительного не обнаружила. Кузя сладко спал на моей постели, он вообще большую часть жизни проводит во сне, просыпается только, когда захочет есть или писать. Выполнив эти нужные дела, опять отправляется спать, поменяв спальню на гостиную или кровать на диван. Все было спокойно и все на своих местах.

Дело в том, что я постоянно нахожусь в сомнении: надо ли проверять историю просмотренных файлов в компьютере внука. Я несколько не сомневалась, что Сергей человек опытный и свои грехи умеет скрывать. И все-таки... Но пока лезть в его компьютер не стала. И вдруг услышала звук шагов за закрытой дверью комнаты внука. Очень удивилась.

— Сережа! Ты дома? Почему не в школе?

Сергей открыл дверь и как-то боком проскользнул в ванную, едва поздоровавшись со мной. Это было странно.

— Сергей, ты где там? — не выдержала я. — Мой руки, давай обедать.

Низко наклонив голову, он появился в кухне. Разглядеть его лицо я не смогла, но возле уха увидела огромную свежую царапину.

— Это кто же тебя так разукрасил?

Сергей взглянул наконец на меня, и я ужаснулась еще больше: вся его физиономия была располосована. Кое-где царапины уже воспалились.

— Что случилось, Сережа? Ты мне можешь сказать? Кто тебя так?

Он вздохнул и прерывисто произнес:

— Кузя...

— Кузя?! Он непохож на бешеного, дрыхнет на моей кровати, как всегда. С чего бы вдруг?

— Я его дрессировал...

— Дрессировал?

— Да. Я хотел его научить сидеть по команде. Прижал к полу, а он как вцепится мне в физиономию всеми четырьмя лапами. Один толчок — и все когти на моем лице.

Я не знала, смеяться или ругаться.

— И ты в таком виде был в школе?

— Я из дома не выходил. Меня бы на смех подняли.

Мне даже стало жаль своего внука. Тринадцать лет все-таки, а поступки...

— Ну и ветер у тебя в голове...

— Разве это плохо? — вяло отозвался он. — Значит, мысли всегда свежие.

— Ешь, давай. И как ты теперь будешь выкручиваться в школе?

— Сегодня уроков не было. Были районные соревнования между школами. Лыжный кросс. Я, конечно, подвел своих — наш физкультурник на меня рассчитывал... Но с такой мордой позориться желания не было.

— Морда, дорогой внучек, у кота. У тебя лицо, по крайней мере, было, пока его Кузя не разукрасил. Ладно, пей компот. Потом займемся санитарной обработкой твоей физиономии, кошачьи царапины часто нагнаиваются. Сегодня пятница, за два выходных немного подживут.

Наша жизнь с внуком входила в привычное русло. Я перестала тревожиться — Сергей особых поводов не подавал, успокоилась и решила вернуться в девятнадцатый век к поискам своих предков. Позвонила в архив, договорилась о встрече, попросила поискать для меня кое-что из нужных материалов. И занялась редактированием уже написанных текстов.

У каждого человека должна быть личная жизнь, а у подростка тем более. Но в тринадцать лет о ней можно забыть, поскольку каждый твой шаг контролируется взрослыми. И хочешь не хочешь, приходится делать то, что велено, даже если это кажется тебе неправильным. Куда бы ты ни пошел, ты должен сказать об этом родителям, а порой кое-что хочется сохранить в тайне. Как-то Сергей спросил у мамы: «А как же моя личная жизнь?» Она только усмехнулась: «Какая еще личная жизнь? Сиди, учись...»

Он учился нормально, математика, физика и химия были любимыми предметами, много читал с раннего детства, дома была большая библиотека. Но Сергей, Венька Измайлов, ну, может быть, Надежда были единственными ребятами в классе, которые ходили с родителями в театры и музеи. Не то чтобы они отличались от других, но посещение музеев и театров у одноклассников почему-то не считалось крутым.

Драки, компьютерные игры, видео из Интернета — это да, а музеи — это что-то совсем непонятное. Унылое и скучное... Спектакли обсуждать было особенно не с кем, о новых выставках в музеях рассказывать некому. Венька — человек занятой, был помешан на роботах, почти каждый день пропадал в лаборатории Дома творчества и много занимался. Да и жил он в каком-то дальнем доме. Сергей даже толком не знал в каком... Встречались они только на уроках. И само собой получилось, что давным-давно он научился быть разным: одним — дома, другим — в школе.

Родители очень удивились бы и, наверное, расстроились, увидев его в компании одноклассников: он приспособился к сверстникам, которые были рядом, научился поступать так, как они, особенно в присутствии Петра Ивановича. Старался ни с кем не конфликтовать и не остаться совсем одному. Правда, он не сквернословил, как многие, это было бы слишком, но... Иногда ловил себя на мысли, что боится чем-то не понравиться остальным.

Во всем классе только Сергей с Венькой любили шахматы, причем оба играли очень прилично. На школьных соревнованиях неизменно побеждали. А пару раз

даже занимали первые места в районе. Но других одноклассников шахматы не интересовали.

А вот заразить кое-кого из пацанов баскетболом получилось. В хорошую погоду ребятам иногда удавалось поиграть пару часов на школьном стадионе. Но это случалось довольно редко: днем на стадионе проходили уроки физкультуры, вечером калитку запирали сторож, приходилось перелезать через высокую сетку. И потому, если позволяла погода, собирались на детской площадке, расположенной недалеко от жилых домов, шумно рассаживались на спинках скамеек и качелях, громко включали музыку, матерились и курили.

А куда еще могут податься подростки, живущие на конечной станции метро, среди многоэтажных монстров, металлических гаражей, оставшихся здесь с незапамятных времен, и шатающихся между ними мрачных личностей с неприятельской внешностью? К тому же карманных денег у всех так мало, что не было возможности прошвырнуться в центр города.

Но сегодня предстоял необыкновенный вечер. Сегодня у Веньки Измайлова день рождения. Это, конечно, не было ни для кого секретом: с утра одноклассники его поздравляли, и учителя в честь этого события не вызывали его к доске. Он уклончиво отвечал на поздравления, загадочно улыбался и на переменах подошел по очереди к некоторым пацанам и о чем-то договорился с ними. Он и к Петру Иванычу подошел. Тот сделал большие глаза и заинтересованно кивнул. Сергей был не слишком любопытен, но эти перемещения Веньки от одного мальчишки к другому его заинтриговали. Венька тронул его за плечо.

— Серега, ты не уходи сразу после уроков. Встретимся у гаражей. Есть разговор...

Когда прозвенел звонок с последнего урока, ребята заторопились на место встречи. Здесь, совсем недалеко от школы, куда только изредка заглядывали владельцы гаражей и собачники с псами, им никто не мешал и они чувствовали себя в полной безопасности.

Февраль на исходе. Было довольно холодно, сыпал мелкий снег и мела поземка. На ближайшей улице стали загораться фонари.

Венька подошел к ребятам и сразу объявил:

— Дорогие одноклассники! Я приглашаю вас всех отметить мой день рождения в кегельбане, на первом этаже моего дома. Дом номер шесть, если не знаете... Отец забронировал для нас аж две дорожки на три часа. На восемь человек вполне достаточно. Он нас туда отведет и посмотрит, чтобы все было в порядке, закажет нам пиццу и пепси, чтобы мы могли поиграть и закусить. А сам уйдет, так что мы там будем совсем одни... Я решил девчонок не приглашать, в кегельбане они будут только вертеться под ногами, а мы поиграем в свое удовольствие.

Вот такая история. Все бы ничего, но встреча назначена на «мужское время» — в девятнадцать ноль-ноль, а по средам в это время Сергей ездит на дом к репетитору по химии. Значит, надо что-то убедительное соврать бабушке.

Честно говоря, Сергей врал нечасто. Как-то не хотелось, да трудно было что-то сочинять, глядя прямо в мамины глаза. Об отце и вообще говорить нечего. Врать бабушке до сих пор не приходилось, но что же делать? Она вряд ли решит проблему выбора в пользу кегельбана. Значит, придется сделать вид, что поехал к репетитору, который живет достаточно далеко, а самому отправиться с приятелями в кегельбан.

Все-таки событие! Правда, придется что-то соврать и педагогу: надо же как-то оправдать свое отсутствие. Угрызения совести Сергей, конечно, испытывал, но успокаивал себя тем, что в классе нет ни одного человека, включая девчонок, которые не врали бы своим родителям. Мама называла такую ложь во спасение «болезнью роста».

Дома на кухонном столе лежала записка от бабушки, которая уехала в какой-то архив. Он облегченно вздохнул: задача упрощалась. Он позвонил репетитору, убедительно, как ему показалось, просипел в трубку что-то о своем фарингите — какая уж тут химия!

Солидный вузовский педагог сочувственно согласился, что в таком случае надо пощадить связи, и пожелал ученику скорейшего выздоровления. Итак, дело сделано. Дорожки в кегельбане арендованы до десяти часов вечера, он придет домой в обычное время, как всегда после занятий с репетитором. Успокоившись окончательно, Сергей с аппетитом поел и засел за уроки.

Я прекрасно поработала в архиве до самого закрытия. Накопала много интересного про своего прадеда Владимира Алексеевича, бедного сибирского чиновника, мотавшегося от одного места службы к другому, мечтавшего дать сыну образование и лучшую жизнь.

В любое время года, в трескучие сибирские морозы или жарким знойным летом, вместе со своим семейством он переезжал из Иркутска в Красноярск, оттуда в Омск, затем в Барнаул, а после выхода на пенсию оказался вообще в Томске. Я уже многие документы скопировала, кое-что записала. Теперь есть чем заняться дома, пока внук в школе.

Вернувшись домой, пока Сергей был на занятиях с репетитором, даже не стала ужинать, быстро перехватила пару бутербродов, покормила Кузю, который, оголодав, чуть не сбил меня с ног, и засела за компьютер в гостиной. У Сергея был свой компьютер, а этот принадлежал родителям и был предоставлен в полное мое распоряжение. Повернулся ключ в замке, внук что-то сказал, раздеваясь в прихожей.

Не отрываясь от компьютера, я позвала:

— Сергей, ты что там сам с собой разговариваешь?

Сережа заглянул ко мне через порог.

— Привет, бабуля. Я говорю: только тогда понимаешь, что живешь в элитном доме, когда поднимаешься в лифте в обществе собаки, одетой лучше тебя. Ба, а что ты делала в архиве?

— Мои архивные дела имеют к тебе такое же отношение, как и ко мне. Обязательно все расскажу. Только не сейчас. Это разговор долгий. Ужинай сам, на плите найдешь все, что ты любишь. Кузю я покормила. Я про него совсем забыла, он очень обиделся. Пришлось мне подлизываться. Ты уроки сделал?

— Сделал, все нормально.

— Как химия?

Сергей вдруг закашлялся.

— Нормально.

— А твой репетитор и домашнее задание задает?

— Еще как! Часа на два работы...

— Ну, иди ешь. Ты, наверное, с голоду умираешь...

Сергей исчез за дверью. Я опять погрузилась в девятнадцатый век.

Сережа был очень доволен сегодняшним вечером. Он даже припомнить не мог, когда еще было так клево. Все ребята, за исключением Веньки, виновника торжества, были в кегельбане впервые. Поначалу они осторожно оглядывались и присматривались, но вскоре разобрались.

Публика здесь была самая пестрая и по возрасту, и по темпераменту. Кто-то буйно выражал восторг по поводу удачного броска шара, кто-то вел себя солидно, а неподалеку от них расположилась малышня в сопровождении родителей.

Отец Веньки выбрал для каждого подходящий по весу шар, показал, как правильно его держать и бросать, заказал в баре пиццу и пепси, оставил сыну еще денег, если будет недостаточно. И ушел. В общем, можно было вести себя свободно. Постепенно все разгорячились и вошли во вкус игры.

Против обыкновения даже Петр Иванович ничем не выделялся среди ребят, довольно неуклюже пытался острить и шумно выражал восторг после каждого удачного броска. И как-то так получилось, что они с Сергеем оказались на одной дорожке, сбивали кегли лучше других и в конце концов даже заключили пари, кто из них выигрывает партию.

Венька позвал всех в бар есть пиццу, а они не могли остановиться, все кидали и кидали шары. Наконец сговорились на ничью и отправились в бар, откуда с сытым видом уже выходили одноклассники. Венька поставил перед опоздавшими большую горячую пиццу и поскакал за остальными. От только что закончившегося поединка немного побаливала спина и хотелось есть, с набитым ртом разговаривать не слишком получалось.

— Ну, кайф! — с аппетитом пережевывая пиццу, произнес Петр Иванович. — Уж и не помню, когда так много на халяву лопал...

Когда наелись и потягивали пепси, внимательно взглянув на Сергея, он неожиданно сказал:

— Хороший ты пацан, Серега, лучше других. Честно скажу, — продолжал Петр Иванович, — у меня нет настоящих друзей...

— Ну, прямо...

— Криво, Серега, криво. Это кто, Никитка мне друг, что ли? Так, фуфло... Конечно, он меня обожает. Ты его терпеть не можешь, я знаю, а меня от него просто тошнит: я что, телка, чтобы меня обожать? Нужны друзья, которые тебя не только поддерживают, но и могут прямо сказать, если ты в чем-то неправ.

Сергей промолчал, а про себя подумал: «Тебе скажи, как же...»

— Ну, пошли, — сказал тот, взглянув на часы. — У нас еще есть пятьдесят минут... Офигенно оторвались, ничего не скажешь...

Они еще вдоволь накидались шаров и с непривычки даже устали. Но, в общем, провели культурно вечер, который явно отличался от обычной тусовки. Выйдя на улицу, по очереди хлопали Веньку по плечу и неумело благодарили за игру.

— Ну, оторвались по полной!

— Ну, Венька! Ништяк провели вечер...

— Я столько пиццы в жизни не ел! Бате привет передай...

Наконец все разошлись в разные стороны.

Настроение у Сергея было самое безмятежное. Есть ему, конечно, не хотелось, пришлось притащить в кухню кота, который сладко спал на его постели, и скормить ему вкусную бабушкину котлету. Кузя удивленно взглянул на хозяина. Но от котлеты отказываться не стал, он тоже очень любил бабушкины разносолы. Кажется, все прошло гладко, и Сергей, облегченно вздохнув, отправился мыться и спать.

На следующий день мальчишки шумно рассказывали, как здорово они провели вечер в кегельбане. Девчонки ахали. Откровенно завидовали. Сергей исподтишка наблюдал за Надей. Она, поправляя кружевной воротничок на новенькой блузке, красиво улыбалась, хлопала пушистыми ресницами и участвовала в разговоре. Ему было приятно наблюдать за ней.

Но прозвенел звонок, начался урок химии, и Евгения Федоровна сразу вызвала Андрееву. Пожимая плечами и беспомощно оглядываясь на одноклассников, Надя поплелась к доске — и для Сергея все ее очарование рухнуло в момент. Она что-то мямлила, пожимала плечами и за спиной учительницы строила безобразные рожи. Евгения Федоровна еле-еле вытянула из нее знаний на хилую троечку.

И тут в душе Сергея что-то случилось: внезапно Надя вмиг потеряла свою привлекательность. Почему-то стало противно и тоскливо. На перемене Сергей в одиночестве стоял у окна в коридоре и мрачно смотрел на недавний объект своей привязанности. Надя весело болтала с подругами, смеялась так, словно и не было недавнего позора у доски. Прозвенел звонок на урок и, проходя мимо Сергея, она вдруг встретила его пристальный взгляд и даже растерялась.

— Ты чего так смотришь?

— Какая же ты дура... — выдохнул Сергей

Надя застыла от неожиданности, вытаращив на него огромные глаза. А он прошел мимо нее в класс и спокойно сел на свое место.

Вечером бабушка внимательно посмотрела на внука.

— У тебя что-то случилось? Ты чего такой кислый?

— Ты понимаешь, когда пришел в школу, показалось, что влюбился. Сейчас вернулся, поел — и отпустило. Показалось... Грустно, конечно.

Бабушка засмеялась

— Не спеши. Успеешь влюбиться. Ты очень неплохо смотришься.

— Я знаю. Но мало знать себе цену. Надо еще пользоваться спросом.

Она поцеловала его в лоб.

— Девчонки ничего не понимают. Ты лучше всех.

Сергей прерывисто вздохнул.

— Я всегда знал, что я особенный, но оказывается — лучше всех.

— Вы теперь живете в компьютере. Разве проблема — познакомиться с девочкой в соцсетях?

— Да запросто! И встретиться на улице тоже запросто. Проблема в том, о чем с ней говорить при встрече ...

Зазвонил его смартфон, Сергей взглянул на дисплей и удивленно пожал плечами.

— Да, Александр Владимирович, я слушаю. Это здорово, Александр Владимирович! Конечно, мы с бабушкой будем рады, приезжайте в любое время. Сейчас? Отлично! Мы ждем вас!

Он отключил телефон и срывающимся от радости голосом сообщил:

— Это папин сотрудник. Он только что приехал из Намибии и привез нам посылку от родителей. Сейчас будет здесь.

Бабушка всплеснула руками.

— У нас ничего нет к чаю. Дуй в магазин за тортом!

Гость оказался приветливым молодым человеком. Задержался он совсем недолго. Передал мне тщательно упакованную посылку и за чашкой чая кратко сообщил, что Николай работает в отлично оснащенной современной лаборатории, что у Ирины работы больше, чем у него, поскольку она ведет переговоры не только с местными специалистами, но и на самом высоком уровне. Живут они в комфортабельном отеле с бассейном, и готовит им отличный повар, знакомый с русской кухней. В общем, пока все в порядке.

Оставив бабушке с внуком письмо в красочном конверте, гость ушел, пообещав сообщить нам, если кто-то поедет в Намибию.

Едва за ним закрылась дверь, Сергей мгновенно распаковал посылку. В ней оказались сувенирные шахматы с резными фигурами в виде африканских воинов. Сергей даже издал ликующий вопль, так ему эти шахматы понравились.

— Все! Я теперь и на соревнованиях буду играть только этими шахматами. Завтра расскажу Веньке, он от зависти помрет... И всем ребятам тоже расскажу, хотя они ничего в шахматах не понимают. А тебе что подарили?

Бабушка держала в руках оригинальные бусы из слоновой кости.

— Тебе нравятся? — спросил внук из вежливости.

— Очень красивые...

— Дашь поносить?

— Пожалуйста! Хоть сейчас. Будешь похож на африканского вождя.

— Не, я в бусах ничего не понимаю. Тебе нравятся, вот и хорошо...

Я торопилась с обедом — Сергей скоро должен был прийти из школы. Засидевшись над биографиями своих предков, я совсем забыла о времени — теперь спешила с борщом. Как-то не сразу услышала громкую музыку. Это у Сергея так смартфон звонит — никак не могу привыкнуть, каждый раз вздрагиваю... Видимо, он забыл свой навороченный аппарат дома. Я уменьшила огонь на конфорке и пошла к Сергею в комнату, удивляясь этому звонку — ведь он в это время находится на уроках, а звонить во время занятий в школе разрешается только в экстренных случаях. Взглянув на дисплей, я прочитала «химия», поняла, что звонит репетитор, и решила ответить.

— Здравствуйте... — я не знала имени-отчества преподавателя, и получилось довольно неуклюже. — Это говорит бабушка Сережи. Он сейчас в школе, а телефон забыл дома....

— Здравствуйте... Значит, Сережа поправился?

Я не поняла.

— В каком смысле, простите?

— Но у него ведь был такой фарингит... Он еле говорил, когда мне звонил в среду. К счастью, я еще в состоянии быстро соображать. Почти все поняла.

— Да, да... У него со здоровьем все в порядке...

— Значит, он завтра придет на урок?

— Обязательно...

Мы вежливо распрощались, и я тяжело опустилась на Сережкин диван. Этот гром среди ясного неба был таким неожиданным и резким, что у меня зазвенело в голове.

Сергей надул меня и преподавателя, а в прошлую среду где-то проводил время до позднего вечера. И, судя по всему, проводил неплохо, так как вернулся в приподнятом настроении. Так лихо врать — фарингит, видите ли, у него! А вдруг он мне врет постоянно, а я, наивная старуха, верю каждому его слову? Святая простота! Наивно полагаю, что у нас установились искренние и доверительные отношения!

Постепенно все больше и больше закипала ярость. И как теперь с ним разговаривать? Что ему сказать? Что я теперь должна делать и как поступить?

Я так и не успела ничего придумать — повернулся ключ в замке, внук пришел из школы...

— Привет, бабуля! — Сергей наклонился и поцеловал меня в щеку. — Как вкусно пахнет! Ужасно есть хочу...

— Все готово. — Я едва успела занять рабочую позицию возле плиты. — Переодевайся и садись есть.

Внук, уплетая борщ за обе щеки, звонко стучал ложкой по тарелке и одновременно рассказывал об очередной перепалке одноклассников.

— Никитка, придурок, решил по секрету от родителей сделать татуировку на плече. Ну и всем пацанам об этом доложил. Понимаешь? Ну, Венька и говорит, что татуировки — это дикость и бескультурие... А Никитка утверждает, что он фуфло, что это у него самого нет вкуса, что это украшение, как для девчонок, так и для пацанов... Чуть не подрались. Ну и класс разделился. На стороне Никитки было большинство. А ты как считаешь, кто прав?

Я думала о своем, поэтому ответила не сразу.

— Для начала не стучи ложкой по тарелке, сколько раз можно говорить!

— Ну, серьезно, баб, ты как к татуировкам относишься?

Я пожалала плечами.

— Да никак... Знаю только, что в Древнем Риме татуировали только рабов и дезертиров. Индейские вожди, воины носили татуировки. И то не во всех племенах. На данный момент меня татуировки совсем не интересуют. Ты поел?

— Да, спасибо... Пойду, поиграю полчаса, мне Венька новую компьютерную игру дал, говорит, необычная. А потом за уроки. Учителя с катушек сорвались: под конец четверти столько задают.

— Игра подтвердет. Сядь-ка. Мне надо с тобой поговорить.

Внук удивленно взглянул на меня и сел напротив. Его явно насторожила моя интонация.

— Сережа, где ты был вечером в прошлую среду?

Он пожал плечами, не сразу поняв мой вопрос, а поняв, вспыхнул. Уткнулся глазами в стол и затих, не зная, что ответить.

— Я жду...

— Откуда ты...

— Звонил твой репетитор по химии. Интересовался твоим здоровьем.

— А... Я забыл смартфон... Теперь понимаю...

— Разве в этом дело? Еще две тысячи лет назад Иисус Христос сказал, что нет ничего тайного, что в конце концов не станет явным. Где ты был?

— В кегельбане...

— Где? — не поняла я.

— У Веньки на дне рождения, и он отмечал его в кегельбане. Там его отец все организовывал, можешь ему позвонить и уточнить, если не веришь.

— Я не хочу ничего узнавать от посторонних людей. Прекрасно понимаю, что в кегельбане было весело. Но я хочу знать: почему ты обманул меня и преподавателя?

Припертый к стене, внук долго молчал, видимо, и сам себе не мог объяснить, зачем понадобилась эта ложь. Я так и не дождалась ответа. Вопросов у меня больше не было. Нотации я всегда считала бессмысленными. Разозлившись на внука окончательно и не зная, правильно ли себя веду с педагогической точки зрения, я отвернулась к раковине и начала мыть посуду.

— Ба... — услышала я за спиной.

— Иди, играй в свою новую игру... — сказала я как можно спокойнее. — Она ведь необычная, так, кажется, сказал Венька?

Сергей подождал еще минуту, но я не поворачивалась к нему. Скрипнула табуретка, он пошел в свою комнату, но дверь оставил открытой.

Ну а я, убрав в кухне, ушла в гостиную и дверь за собой демонстративно закрыла. Села за компьютер, стараясь успокоиться.

Отвлечься удалось не сразу.

Итак, я занялась судьбой своего прадеда, Владимира Алексеевича Попова. К счастью, в архиве мне помогли разыскать его послужной список, что-то вроде нашей трудовой книжки. В нем описаны все его служебные перемещения — а их было множество. И самое главное, что особенно заинтриговало меня — это его первое предприятие в качестве главного помощника Михаила Волконского.

Однажды Владимир Попов, с детства проживающий в Селенгинске вместе с отцом — частным учителем — и матушкой, получил неожиданное письмо из Иркутска от друга своего Михаила Волконского.

Молодые люди дружили с детства. Волконские часто наезжали летом в Селенгинск к братьям Бестужевым и жили у них подолгу. Зимой молодые люди часто писали друг другу — само по себе письмо от Миши не было неожиданностью.

Неожиданным было его содержание: Волконский предлагал Владимиру немедленно выехать в Иркутск, чтобы разделить с ним тяготы и сложность задания, которое он получил от генерал-губернатора Николая Муравьева.

Миша год назад окончил гимназию, и Муравьев, который не боялся дружбы с декабристами, взял его к себе на должность чиновника по особым поручениям. И это особое поручение состояло в необходимости срочно ехать вглубь Сибири, чтобы заняться делами переселенцев. Миша писал, что ему разрешено взять с собой надежного помощника, такого же ответственного человека, как и он сам. Никого лучше Владимира для этой миссии Михаил не нашел.

Семейный совет продолжался недолго. Селенгинская школа Бестужевых дала Владимиру достаточное образование, чтобы поступить в гимназию, но денег на оплату обучения у его батюшки, частного учителя, не было. Владимир окончил уездное училище в Троицкосавске и вернулся к родителям в Селенгинск, где сумел устроиться только на работу коллежским секретарем. Но, конечно, как всякий родитель, Алексей Васильевич мечтал о карьере сына. Письмо Михаила Волконского внушало надежды на более счастливую его участь, и Владимир выехал в Иркутск.

Сборы друзей в длительную экспедицию по Сибири были очень тщательными, но недолгими, и скоро, взяв с собой двух лекарей, они отправились в путь.

В те годы безлюдные сибирские просторы насильственно заселялись крестьянами из центральных губерний России. По разбитым дорогам зимой и летом, осенью и весной двигались длинные обозы, груженные нищенским скарбом. Переселялись целыми семьями, с детьми и стариками, и несли с собой в эти неведомые края свои обычаи, свои привычки и... свои болезни. Одна из этих партий принесла с собой и холеру, малоизвестную в этих краях. Испуганные местные крестьяне, пытаясь спастись от нее, не пускали переселенцев в свои деревни. Так и тянулся по дорогам этот печальный обоз, не зная пристанища, оставляя позади трупы умерших и разнося заразу по Сибири.

Для решения этой проблемы и был призван Михаил Волконский со товарищи. Они встретили холерный обоз во время переправы через Обь, остановили, разместили в ближайшем селе. Как это у них получилось — трудно даже представить. Каким-то образом им удалось убедить местных жителей принять этих переселенцев. Надо было не только где-то временно расселить людей, но и каким-то образом изолировать больных... Три недели два молодых чиновника, два лекаря и несколько местных наиболее отважных жителей ухаживали за больными. Холера была остановлена. Спасенная партия переселенцев отправилась дальше.

Как лечили в те годы холеру, как предотвращали ее распространение — эти вопросы я оставила до возвращения сына из Намибии. Он эпидемиолог — ему и карты в руки...

Но это была не единственная экспедиция, связанная с переселенцами. Следующая была намного сложнее. Два месяца добирались молодые люди до нужного места, где по сведениям, полученным Муравьевым, новые поселения пришли в упадок. Было все: поднимались шестьсот верст по реке Мая, потом был пеший переход через хребет Джугджур. По пути составляли первые карты перевала (школа декабристов!), думали о прокладке новых дорог. К сожалению, в биографии Михаила Волконского я не нашла подробного описания этой работы, не встретила нигде даже намек на бытовые условия, в которых приходилось пребывать друзьям. Конечно, очень хотелось бы знать подробности, которые, видимо, канули в Лету.

Наконец друзья прибыли на место и занялись вплотную делами переселенцев. Выбранные для их новой жизни места оказались очень неудачными. Михаил и Владимир нашли новые, более подходящие, помогли расселиться и на первых по-

рах обустроиться... Однажды вечером, от души попарившись в наскоро сколоченной бане, сидя за самоваром в курной избе, Михаил сказал:

— Ты даже представить не можешь, Володя, как я счастлив, что ты рядом со мной. О другом таком товарище я и думать не хотел. Вернемся в Иркутск, я непременно тебя Муравьеву представлю.

— Говорят, что он крутой, гневливый человек...

— Это правда. Человек он вспыльчивый, резкий, часто и несправедливым бывает. Но и к батюшке, и ко мне благосклонен. Осмелюсь о какой-либо подходящей должности для тебя похлопотать... Очень жаль, что нет у тебя гимназии за плечами. Легче бы было. А знаешь ли... У меня вот такая идея есть: а что если тебе экстерном Иркутскую гимназию окончить?

— Вряд ли я потяну.

— Мы вот что сделаем, — оживился Михаил. — В Иркутск вернемся, с батюшкой тебе испытания проведем, проверим, сможешь ли ты, допустим, за год гимназический курс освоить. Мы-то с ним знаем, каков уровень Селенгинской Бестужевской школы, подготовка там всегда отменная была. А если есть какие пробелы, то я всегда с математикой помогу, а батюшка — с литературой, историей, географией. Языками ты очень неплохо владеешь. Давай рискнем?

Владимир только задумчиво покачал головой.

— Авантюра это, Миша...

— Уверен, что нет...

Кстати, из полученного из архива послужного списка прадеда я уже знала, что гимназию экстерном он все-таки окончил.

Я услышала какую-то возню: Сергей шумно хлопнул дверью в туалет, потом зачем-то потоптался в кухне. Но, во-первых, я на него злилась, а во-вторых, не хотела отрываться от своих записок. Но внук осторожно поцарапался в дверь.

— Не придуривайся! Заходи...

Он вошел и встал столбом на пороге, ожидая, что я оглянусь. Я, конечно, оглянулась.

Это длинное тощее существо стояло у дверей, низко опустив голову. В руках у него была швабра с привязанным к ней большим белым полотенцем. Я фыркнула, не удержавшись.

— Я больше не буду... Поговори со мной... — произнес он виноватым тоном. Я встала, отошла от компьютера и села на диван.

— Ладно. Оставь швабру в покое. Сядь рядом, давай поговорим.

Сергей послушно отставил свой белый флаг и сел рядом со мной.

— И что ты мне хочешь сказать?

— Я больше не буду врать, честное слово...

— Возможно. Но почему нужно было врать?

— Ну, ба... Ты ведь не отпустила бы меня в кегельбан, отправила бы к репетитору...

— Ну, не знаю... Может быть, и нет.

— Все равно пришлось бы ему что-то врать.

— Совсем необязательно. Надо учиться разговаривать со взрослыми людьми по-взрослому. Если бы ты сказал мне правду, я бы и поколебалась, конечно, но, думаю, решила бы проблему в твою пользу. Преподавателю можно было бы позвонить, извиниться и сказать ему, что ты прийти не сможешь. Думаю, что этого было бы достаточно. Интеллигентные люди не задают лишних вопросов. Ты ведь не так часто пропускаешь занятия?

— За два года ни разу не пропустил!

— Вот видишь... Ты уже взрослый, Сережа... Неужели ты не понимаешь, что ты меня предал?

Внук опешил.

— Ну, баб... Ты скажешь тоже... Почему я тебя предал?

— Потому что я тебе верила. А ты мне солгал. Разве это не предательство? Ложь — это предательство и унижение.

Внук совсем растерялся.

— Я никого не собирался унижать.

— Не сомневаюсь. Но, если ты мне лжешь, значит, считаешь, что я глупее тебя, если верю твоей лжи. То же и с педагогом. Но ты и сам себя при этом унижаешь. Разве может себя уважать человек, который своей ложью унижает и предаёт всех подряд?

— Это неправда! — возмутился Сергей. — Я вру очень редко, спрости у родителей. Я в этом году вообще первый раз соврал!

Господи, какой же он еще ребенок!

— Ладно... Закрыли тему.

Мы довольно долго молчали. Внук сидел рядом со мной на диване, посапывал, видимо, переваривая мои слова. Потом вздохнул и спросил:

— Ба, а когда ты мне расскажешь, чем ты занимаешься? Зачем ты ходишь в архив?

— Я ищу наших предков... Занимаюсь нашей родословной.

— Это то, что называется генеалогическим деревом?

— Древом, если правильно. Ты что-нибудь знаешь о генеалогии?

— Ну... Это вроде бы наука о наследственности...

— Наука о родственных связях, если точнее. Все, что мы имеем: строение нашего тела, мозгов, привычки и даже некоторые болезни мы получили от наших предков. Вот ты внешне очень похож на папу, у вас теперь даже голоса похожи. Вы ходите одинаковой походкой, надеюсь, со временем ты переймешь от него и целеустремленность, честность и независимость во взглядах... Ну а папа в чем-то унаследовал мои черты характера, я у своего отца... Поэтому так интересно заниматься поисками своих предков. Хочется знать, какими они были, чем занимались, какие жизненные вопросы решали...

— И кого ты нашла из самых дальних наших предков?

— Своего прапрадедушку. Все, что я могла о нем узнать на сегодняшний день, я узнала. Пока мне хватило. А дальше посмотрим.

— А сейчас ты кем занимаешься?

— Своим прадедом Владимиром Алексеевичем Поповым.

— Расскажи!

Я немного подумала. «Как тринадцатилетнему мальчишке рассказать о его предках, живших в XIX веке в Сибири, об их связях с декабристами... Про восстание на Сенатской площади мой внук, наверное, кое-что слышал, но что это за люди были, эти декабристы, и какое влияние оказали на историю края, разве можно сегодня ему это объяснить? Слишком мало он еще знает. Кругозор минимальный». Я решила начать с другой стороны.

— Володя Попов был сыном частного учителя, который давал уроки на дому...

— Был репетитором, значит?

— Не совсем. Он должен был научить недоросля только математике — сложению, вычитанию, делению, умножению и основам грамматики. И получал он за свои труды очень мало. В то время говорили: «Если барин без сапог, значит, барин — педагог».

Внук рассмеялся.

— Я нашей классной скажу. Она про себя, наверное, то же самое думает. Давай дальше про предка.

— Володя не мог учиться в гимназии — обучение стоило очень дорого. Но можно было сдать экзамены за весь восьмилетний гимназический курс экстерном.

— И он сдал?

— Да. На отлично.

— Ничего себе! А какие экзамены?

— Все я, конечно, не знаю, но по математике испытания проводились очень серьезные: по алгебре, тригонометрии и геометрии...

— Ну а дальше? Что ты про него узнала?

— Прошел Владимир Алексеевич, так его звали, типичный жизненный путь радетельного чиновника: от самого нижнего чина коллежского регистратора до надворного советника. Этот чин соответствовал военному чину подполковника. За безупречную службу он был награжден орденом Святой Анны. Ты помнишь, повесть Чехова «Анна на шее»?

— Конечно, недавно проходили Чехова. Только я так и не понял, почему такое название?

— Оно у Чехова возникло потому, что этот орден и в самом деле носили на специальной ленте, на шее. Название «Анна на шее» было почти официальным. Эту награду давали всем чиновникам, прослужившим в должности двенадцать лет. И, между прочим, каждый орден тогда имел свой девиз. У «Анны на шее» он был такой: «Любящим правду, благочестие и верность».

— Надо же... И где это ты все нашла?

— В Интернете. В разных справочниках, в архивах...

— Ну а дальше что с ним было?

— Владимир Алексеевич был самым обыкновенным сибирским чиновником. В архивах сохранился его послужной список. Его переназначали с одной должности на другую в разных сибирских городах, находившихся друг от друга за сотни верст. Приходилось в любое время года отправляться с семьей в путь по необъятной Сибири. Путешествия эти были очень непростыми, особенно зимой.

— Расскажи...

— Это непростое. Попробуй представить себе, как это было... Ни железной дороги, ни автомобилей... Только единственный тракт через всю Сибирь. Жизнь заставляла людей постоянно перемещаться: чиновники ехали за сотни верст по делам службы, купцы — в центр России торговать, переселенцы двигались к новым местам жизни... Ехали по Сибирскому тракту сутками, останавливаясь ненадолго на станциях, чтобы как следует поесть и немного отдохнуть от ухабов... Ты помнишь «Станционного смотрителя» Пушкина?

Сергей кивнул.

— Бр-р... Я так холода боюсь, что окошел бы в первые полчаса!

Я засмеялась.

— Если бы был одет в свою нынешнюю одежду, конечно, сразу бы замерз. Тогда была целая наука о том, как правильно собираться в дальний путь по зимнему тракту.

Я долго рассказывала внуку об этих странствованиях по дорогам замерзшей Сибири. Я сама подробности о них узнала совсем недавно, пытаюсь представить себе во всех деталях жизнь своего предка, простого сибирского чиновника.

Внук слушал меня, широко раскрыв глаза. Я даже удивилась, что мой рассказ так его воодушевил.

— А на новом месте надо было обустроиваться с семейством на съемной квартире, привыкать к службе в новых условиях, определять сына в казенные училища, думать о его дальнейшей судьбе.

— У него был сын?

— Да. И звали его, как тебя, Сергеем.

— И кем он мне приходится, этот Сергей?

— Это был твой прапрадед. А мой дед. Когда мне было столько же лет, сколько тебе сейчас, отец мне рассказывал о нем. Дед был знаменитой личностью в Хабаровске. Его имя носит одна из улиц города...

— Да ты что?! А кем он был?

— Военным врачом в хабаровском лазарете...

— Расскажешь мне о своем деде, моем тезке?

— Если тебе интересно, расскажу, когда еще какие-нибудь документы добуду и получу представление об этом человеке.

— А я тебе могу чем-нибудь помочь?

— Сейчас вряд ли. Но вот когда я закончу свой труд, ты мне поможешь все напечатать и оформить в должном виде. Идет?

— Конечно...

— А теперь иди учить химию. Завтра постарайся на вопросы своего преподавателя отмолчаться или отделаться кивком головы. Иначе опять придется что-то врать. Сергей направился к двери.

— Сделай одолжение, поставь на место швабру.

Внук наклонился ко мне и чмокнул меня в щеку. Прихватив свой белый флаг, вышел из гостиной. Но в дверях остановился.

— Ба! У меня родинка на щеке такая же, как у тебя. Это тоже генеалогия?

Зима подходила к концу, но путь по Сибирскому тракту предстоял сложный и неблизкий — более трехсот пятидесяти верст. Правда, такое расстояние для них, привычных сибиряков, было обычным делом. При очередном переезде к новому месту службы отца им приходилось несколько раз преодолевать и большие расстояния не только зимой, но и в весеннюю распутицу и бездорожье.

Едва забрезжил зимний рассвет, все трое — отец, матушка и Сергей — оделись, как положено, в «две шубы»: вниз полушубок, вверх тулуп. На ногах валенки. Перед тем как сесть в повозку, в последний раз оглянулись на дом, который был их пристанищем последние три года. Перекрестились. Нанятый батюшкой возник, одетый, как и его седоки, помог семейству устроиться в широкой зимней повозке, обшитой внутри киргизской кошмой — войлочным ковром из верблюжьей шерсти.

Отец был опытным путешественником, потому подложили вниз и матрасы, и подушки, которые делали дорожные толчки и тряску в пути менее мучительными. Надо было еще пристроить куда-то и провизию, упакованную в узлы и свертки. Конечно, богатые сибиряки путешествовали на перовой перине, под меховыми одеялами, покрытыми большими рогожами. Но такое путешествие было недоступно рядовому сибирскому чиновнику. Опытный возник устроил поудобнее сначала матушку, потом мальчика, и последним самого главу семейства. Накрепко привязал багаж к железным кольцам внутри повозки, чтобы, упаси бог, не выпал и не придавил седоков, если повозка вдруг опрокинется. Сверху плотно закрыл их от холода особым фартуком и козырьком, сел на свое место — и зазвенел колокольчик.

— Ну, с богом... — услышал Сергей приглушенный одеждой голос отца.

Спросил откуда-то из глубины саней:

— Папа, нам сколько времени до Томска добираться?

— Я в который раз отвечаю тебе на этот вопрос? В десятый? Зимой, если с погодой повезет, сани проходят десять верст в час... Вот и посчитаешь сам, как проснешься... А пока что спи, Сережа, спи... почитай двое суток не спали, в дорогу собирались.

Сергей покосился на мать. Лица ее не было видно из-под низко надвинутой меховой шапки, но он знал: матушка плачет. Застоявшиеся лошади постепенно ускоряли шаг. Все веселее звенел колокольчик. Который раз они трогаются в путь за пятнадцать лет его жизни? Он стал считать, сбился, опять начал свой счет. Дорога предстояла дальняя и утомительная. Сережу потянуло в сон, и он не стал сопротивляться.

Но спал он совсем недолго. Проснулся оттого, что матушка трясла его за плечо.

— Сережа... Сережа! Просыпайся... Опоздаешь!

Но какой-то странный был голос у мамы. Вроде бы она его будила, а, кажется, совсем не она. Но голос очень знакомый. И тепло совсем, так тепло, словно и не в пути они по обледенелой сибирской дороге. Сережа высунулся из-под кошмы и приоткрыл глаза. Над ним стояла бабушка. Ну, да, конечно! Это был ее голос. Голос его бабушки. Так значит, это не он был в зимней повозке на ледяном Сибирском тракте. Это был сон!

— Да что с тобой, Сережа? Ты не слышал, как звонил твой смартфон? Я жду, жду тебя завтракать, а ты еще и не вставал!

— Значит, проспал, — виновато откликнулся внук. — Сейчас. Я быстро...

Уже убегая в школу, в дверях он успел только сказать бабушке:

— Ба! Мне такой сон приснился — обалдеть! Приду — расскажу!

Он едва успел к первому звонку. И на уроке несколько раз отвлекался, вспоминая, какой все-таки удивительный сон ему приснился.

Бабушка уехала на свою квартиру. Сергей довольно быстро справился с домашними заданиями, потискал немного Кузю, размышляя, выходить на улицу или нет. Уже светлели вечера, и сегодня ребята сговорились потусоваться на детской площадке после того, как сделают уроки.

Сергей сбросил Кузю на пол и пошел в прихожую одеваться.

Когда он появился на площадке, ребята уже оседлали и спинки скамеек, и скрипучие детские качели. Звонко хохотали, иногда кто-то матерился, бранные слова поглощала громкая музыка. На первых этажах ближайших многоэтажек находились развлекательные заведения, кафе и отделения банков, и на подростков никто не обращал внимания. Время тянулось медленно, Сергей откровенно заскучал. А тут еще неожиданно с темного весеннего неба посыпался мелкий, все усиливающийся дождь.

— Ну, облом... И что будем делать? — спросил Петр Иванович, надвигая капюшон на затылок. — Уж больно не хочется домой...

И вдруг Сергей неожиданно для самого себя сказал:

— Пошли ко мне. Я сегодня один: бабушка к себе домой поехала... Вернется утром...

Сказал и тут же пожалел об этом. Но ребята обрадовались, вскочили со своих мест, окружили его.

— Ну, Серега, ты даешь! Офигеть не встать!

— А африканские шахматы покажешь? — спросил Венька, который, на удивление, сегодня был в их компании.

— Конечно, покажу! Вот увидишь, они тебе понравятся...

— Я пойду с вами. Только ненадолго. Посмотрю шахматы — и домой. Дел много.

Пошли не все: несколько человек отправились по домам.

Конечно, Сергей чувствовал себя не слишком уверенно в роли хозяина. Но по дороге к своему дому он вспомнил недавний разговор с бабушкой.

Она спросила его:

— Сережа, а почему к тебе ребята никогда не приходят? Когда папа был в твоём возрасте, наш дом всегда был полон одноклассниками. У тебя совсем нет друзей? Он тогда попробовал отшутиться.

— У меня есть несколько настоящих друзей, но мы с ними не слишком любим друг друга.

Но бабушка даже не улыбнулась и продолжала вопросительно смотреть на него.

— Ты понимаешь, баб... Времена изменились. Сейчас никто ни к кому в гости не ходит. Я к кому-нибудь по делу забегу — так родители дальше порога не пускают. Торчишь как дурак на лестнице.

— Так давай изменим традицию, — сказала тогда бабушка. — Зови к нам одноклассников, когда есть свободное время, конечно. У тебя столько всяких игр — не соскучишься. Не все же в соцсетях сидеть...

Пока поднимались в лифте, Сергей лихорадочно соображал, как правильно организовать в своём доме это нашествие, чтобы без тяжёлых последствий.

Кузя вышел навстречу хозяину из кухни, довольно облизываясь после сытного ужина, оставленного бабушкой. Неожиданное вторжение горластых подростков его так напугало, что он даже слегка подпрыгнул и рванул в спальню, мгновенно скрывшись с глаз.

За дверью своей квартиры Сергею стало легче: он наконец почувствовал себя хозяином положения.

— Есть тема, пацаны: за пределы моей комнаты выходить только в туалет. Он там... На моей территории можно делать все, что угодно.

Но про себя подумал: «Опять перебор...»

Ребята, сбросив уличную обувь в прихожей, вошли в его комнату в носках, осторожно, не скрывая откровенного любопытства. Сначала осмотрели художественные фотографии на стенах.

— Ну, круто! — понравились они Петру Ивановичу.

— Неужели сам снимал? — не поверил Венька.

— Вот эти две — мои... Остальные папа фотографировал. Это он в Китае был в командировке.

Венька с порога увидел коробку с шахматами, лежавшую на полке возле компьютера.

— Можно посмотреть?

— Валяй...

Кое-кто составил Веньке компанию, ребята восхищенно разглядывали фигурки африканских воинов. Даже Петр Иванович заинтересовался. Он взял одну из них, повертел в руках.

— Ничего не скажешь — клево!

Но тут Петр Иванович увидел большую раскрашенную маску, висевшую на стене над диваном, на котором спал Сергей.

— Я гляну, ладно, Серега? — восхищенно проговорил он, ткнув в нее пальцем.

— Конечно, смотри! — великодушно разрешил хозяин.

Но достать маску с пола не получилось. Петр Иванович забрался на диван с ногами, стащил со стены это страшилище и спрятал за ним лицо. Никитка в восторге завопил:

— Ну, ништяк, Петр Иванович, тебе идет!

Тот, воодушевленный словами приятеля, издал из-под маски грозный рык, подпрыгнул так, что Сережкин диван жалобно скрипнул. Но Никитка был уже рядом с ним, потом еще кто-то влез. Потом еще... Все визжали, рычали и прыгали, выхватывая маску друг у друга.

— Вот бы в школу так заявиться!

— На математику!

— Не! Лучше на литературу!

Сергею было очень жаль свой новый диван. Прыгать по постели его отучили еще в детсадовском возрасте.

— Ну, зоопарк... — покачал головой Венька. — Я пойду, Серега, мне еще задачи по химии решать...

Сергей проводил его в прихожую.

Из его комнаты к визгам и восторженным выкрикам присоединились грохочущие звуки рока.

— Ну... — протянул Венька. — Я тебе не завидую...

Сережа, вздохнув, закрыл за ним дверь.

Когда он вернулся, вакханалия в комнате продолжалась с еще большим размахом. Кто-то, неловко махнув рукой, зацепил книжную полку над диваном, и книги рассыпались по полу. Заскрипело стекло упавшей со стены фотографии, на которую наступили... Под аккомпанемент дикой музыки диван только жалобно повизгивал и всхлипывал от пляски мальчишек.

Диван спас неожиданный телефонный звонок. Пронзительный и резкий, перебивший грохот ударных инструментов.

Петр Иванович перестал прыгать и, подняв руку, остановил остальных.

— Это мне... — Взглянув на дисплей, вдруг как-то обмяк. — Тихо все! Это батя...

Музыку сразу выключили, и в комнате установилась тишина.

— Да, папа... — чужим голосом сказал Петр Иванович. — Все нормально. Мама дежурит. Конечно, я дома — где же мне еще быть в это время? Уроки почти сделал... Ну, честное слово, пап, я дома... Ну и, пожалуйста, перезвони по городскому...

Петр Иванович буквально свалился с дивана и рванул в прихожую. На ходу напялил куртку и выскочил на площадку, ни с кем не попрощавшись.

— Куда он так? — не понял Сергей.

— Домой, куда же еще? — ответил сочувственно Никита. — Ты разве не понял — ему отец сейчас по городскому будет звонить.

— А где он живет?

— Так в пятиэтажках...

— Это же бежать не меньше десяти минут!

— Где-то так... Не успеет, конечно. Ну, совет что-нибудь... В первый раз, что ли? Скажет, что не мог из туалета выйти... Отец у него — зверь! С матерью в разводе, но к ним часто приходит и по телефону все время контролирует. Однажды, ну, помнишь, когда Петр Иванович с Венькой подрались, так его отлупил, что он два дня сидеть не мог... Ну, я тоже пойду. Клево у тебя, Серега. Ничего не скажешь! Зови всегда, когда твоя бабуля уезжает с ночевой...

«Ага! — подумал Сергей. — Счас...»

За Никиткой потянулись все остальные. Когда за одноклассниками захлопнулась дверь, Сергей облегченно вздохнул. Вернулся в комнату и оглядел место побоища. Потом принялся за уборку. Поднял опрокинутый стул, аккуратно повесил на прежнее место брошенную на диван маску, собрал рассыпавшиеся по полу книги и поставил на полку, фотографию с разбитым стеклом осторожно положил на стол и дал себе слово больше опрометчивых поступков не совершать.

Прозвенел последний звонок, уроки кончились. На улице шел дождь, холодный, но уже весенний. Торопливо попрощавшись, ребята выскакивали на улицу и ныряли под него, словно под душ, разбегаясь в разные стороны. Сергей притормозил у дверей, наклонился, наступив на развязавшийся шнурок кроссовок, а когда выпрямился, увидел, что над ним стоит, улыбаясь, Надежда. Он давно перестал обращать на нее внимание, словно и не было прежнего восхищения. Она тоже к

нему не подходила, только иногда он встречал ее вопросительный взгляд. Теперь она просто стояла над ним и молча улыбалась.

— Ты что? — не слишком дружелюбно спросил Сергей.

— Да все думаю: за что ты на меня злишься?

— Я не злюсь.

Он резко задернул молнию на куртке. Потом демонстративно обошел Надю и распахнул дверь на улицу. Под его локтем проскользнул какой-то малыш в ярко-красной куртке.

— Сергей! — обиженно окликнула его Надя. — Я тебя чем-то обидела?

— Ничем! Просто ты мне больше неинтересна.

— Потому что я дура?!

Даже не повернув головы в ее сторону, он только небрежно пожал плечами.

Тяжелая дверь вестибюля громко захлопнулась за его спиной. Он чуть не упал, натолкнувшись на малыша в красной дутой куртке, растерянно хлопающего себя по многочисленным карманам.

— Ты чего встал на дороге? — не слишком приветливо бросил Сергей. — Дай пройти!

Натянув капюшон, он быстро зашагал к дому, очень довольный собой. Здорово он все-таки ответил этой задавке: «Ты мне больше неинтересна!» Вот так-то...

Он почти побежал под дождем, но вдруг услышал позади пронзительный детский рев. Сергей невольно оглянулся. Следом за ним семенил тот самый парнишка, кажется первоклассник, на которого он натолкнулся на школьном крыльце. Его красная дутая куртка с многочисленными блестящими молниями на карманах была такой огромной, что мальчишка был бы похож на воздушный шар, если бы не отчаянные завывания, издающиеся откуда-то из ее недр.

Сергей остановился.

— Ты чего орешь?

Воздушный шар подплыл к нему, и сквозь всхлипывания и причитания он услышал:

— Телефон потерял...

Ситуация знакомая: Сережка сам терял свой телефон дважды.

— Тебя мама будет ругать?

— Она сказала, что меня убьет...

— Круто. Это который телефон по счету?

— Третий...

И малыш заревел еще громче.

— Даже не знаю, чем тебе помочь... Ты везде посмотрел? В портфеле, в куртке — вон у тебя сколько карманов...

— Везде...

— Давай попробуем последний шанс. Ты номер своего телефона помнишь?

— Помню! — Мальчишка заторопился, перечисляя цифры.

Сергей достал свой смартфон и, закрывая его от дождя, набрал нужный номер.

И пропавший телефон вдруг зазвонил откуда-то из глубин воздушного шара. Отчаянный плач пострадавшего сменился ликующим воплем. Сережа помог найти аппарат в одном из многочисленных карманов. Красный воздушный шар стремительно и с радостным воплем взлетел. Сережа засмеялся. А воздушный шар уже летел далеко впереди и вскоре скрылся за углом ближайшего дома.

Кто-то позвонил в дверь, когда Сережа заканчивал упражнения по английскому языку. Он ждал бабушку из архива, но у нее есть свой ключ — значит, звонит кто-то чужой. Сергей выглянул в глазок: за дверью стояла соседка из квартиры

напротив в домашней одежде и клеенчатом переднике. Сергей изредка поднимался вместе с ней в лифте на свой этаж. Она всегда рассеянно отвечала на осторожное «здрасьте» Сережи.

У этой пожилой, уставшей женщины было какое-то опустошенное, словно виноватое лицо. А глаза были выцветшими и тусклыми. Изредка она приходила к маме, не переступая порога, чуть слышно просила о чем-то, и, чем бы мама в этот момент ни занималась, она немедленно оставляла свои дела и уходила к соседке иногда ненадолго, а иногда и на целый час.

Возвращалась обычно очень расстроенная, тяжело вздыхала и однажды на вопросительный взгляд Сергея коротко сказала, что у соседки очень тяжелая ситуация дома: престарелая полубезумная мать вот уже несколько лет не встает с постели. Помогают социальные работники, но иногда случается, что они не приходят, она остается одна с матерью, которая требует постоянного ухода.

Сергей распахнул дверь.

— Здравствуй, Сережа... — тихо сказала соседка. — Мама дома?

— Нет... Они с папой уехали до лета в командировку.

Женщина почти не удивилась.

— Ты живешь один?

— Нет. С бабушкой. Она скоро придет.

— С бабушкой... — эхом повторила соседка. Подумала немного и в каком-то отчаянии вдруг спросила: — Сережа, ты можешь мне помочь? Мне надо перестелить маме постель. Мне одной не справиться. Она очень тяжелая, почти сто килограммов. Мы вместе перевернем ее на бок, я перестелю, а ты только поддержишь. Поможешь?

— Конечно. Я только дверь запру.

Едва он вошел в соседнюю квартиру, как в нос ударил тяжелый непривычный запах. Конечно, прежде Сергей этого запаха не знал, но с этого дня запомнил его на всю оставшуюся жизнь: это был запах хронического больного. На пороге комнаты, где лежала больная, соседка замедлила шаг и смущенно повернулась к мальчику.

— Ты только не пугайся. Мама лежит четвертый год и редко меня узнает. Она сломала шейку бедра и уже никогда не встанет. У нее несколько пролежней от неподвижного лежания в одной позе. Ты только не пугайся, пожалуйста.

Сергею было страшно, но он только кивнул.

Они вошли в спальню. На постели лежала старая тучная женщина. На ее розовом черепе волос почти не осталось, тусклый взгляд был устремлен в пространство. Ночная сорочка на ней была чистая, в комнате прохладно и проветрено, но тот самый стойкий запах лежачего больного поселился здесь, казалось, навсегда.

— Что я должен делать?

— Сейчас, сейчас, — засуетилась соседка и попыталась заговорить с матерью: — Мама, мы с Сережей сейчас тебе постель перестелим. Ты должна нам помочь.

Больная промычала что-то нечленораздельное в ответ.

— Давай, милый, постараемся вернуть ее на бок.

Эта процедура оказалась единственной из того, что предстояло сделать Сергею. Вместе они смогли повернуть на бок рыхлую, тучную больную. Потом Сергей держал ее за скользкое потное плечо, а соседка быстро и ловко вытащила грязную простыню и постелила чистую. На больной были памперсы, и ничего страшного он не увидел. Только заметил несколько красных мокнущих болячек на локтях и пятках.

— Спасибо тебе, Сережа. Мне всегда женщины помогают из социальной службы, а сегодня Катя сама приболела, вот и пришлось тебя просить. Ну а пролежни, где достану, сама обработаю.

— Я бабушке скажу. Попрошу, чтобы она вам помогла. Бабушка — врач, она обязательно поможет. Она скоро придет.

Уже закрывая за Сергеем дверь, соседка вздохнула:

— Мама не всегда такая. Она иногда приходит в себя. Вдруг меня узнает, начинает плакать, меня жалеть. У нас нет родственников, мы с ней одни остались. Мне так хочется, чтобы она еще пожила.

Потрясенный ее словами, Сережа даже споткнулся на пороге.

Бабушка была уже дома.

— Ты откуда? — удивленно спросила она. — Я ничего не могу понять — твоя куртка дома, а тебя нет...

Сергей коротко рассказал о соседках.

— Конечно, я помогу ей обработать пролежни, это не проблема. Давай поужинаем, и я к ней схожу.

— Ты ешь, бабуля. Я потом. Я сейчас не могу.

Бабушка внимательно посмотрела на него.

— Я понимаю... Это жизнь, Сережа, ничего не поделаешь. В ней столько же радости, сколько и страдания.

Сергей прерывисто вздохнул.

— Я еще не решил, кем стану в жизни. Но теперь твердо знаю, что врачом никогда не буду. Я не смогу видеть такие мучения каждый день.

Бабушка ответила не сразу.

— Ты прав. Не каждый человек умеет сострадать. Врач без сострадания только ремесленник.

— Ты представляешь, она сказала, что хочет, чтобы ее мать еще пожила. В таком состоянии!

Бабушка долго и внимательно смотрела на внука. Потом задумчиво произнесла:

— Эта женщина — очень хороший человек, Сережа. Запомни ее слова.

Конечно, каждый подросток считает для себя унижительным, когда ему что-то запрещают. Ощущает себя каким-то недочеловеком. Именно поэтому, закуривая где-то в тайном месте со сверстниками, он наконец чувствует себя крутым и независимым.

Сережа не считал себя заядлым курильщиком. Он просто был «как все»: когда собирались компанией «покурить», потихоньку выдыхал дым. Не затягиваясь, боясь закашляться и вызвать смех одноклассников.

Когда прозвенел последний звонок, к нему неожиданно подошел Петр Иванович, хлопнул его по плечу.

— Есть тема. Вали за гаражи. Сегодня Никитка стащил у отца три сигареты, покурим...

Курить Сергею совсем не хотелось. Он тут же ощутил во рту тошнотавый и горький привкус табака. Было желание отказаться под каким-то предлогом. Но предложение было не от кого-то, а от самого Петра Ивановича, который выжидающе смотрел ему в глаза. Ничего не оставалось, как кивнуть.

Мальчишки спрятались от пронизывающего колючего ветра за гаражами, где собирались всегда. Встали в тесный круг, пытаясь добыть огонь от спичек, которые Никитка тоже прихватил из дома. Он стащил из кухонного стола целый коробок, но спичек там осталось всего несколько штук. Сильный ветер словно решил во что бы то ни стало помешать ребятам. Они сопротивлялись. Оставалась одна спичка. Мальчишки встали вплотную друг к другу. Наконец-то! Спичка загорелась! Осталось поднести ее к сигарете, сделать пару затяжек и... Но порыв ветра погасил последнюю надежду почувствовать себя крутыми и взрослыми.

Где-то поблизости заскрежетал металл тяжелой гаражной двери. Совсем рядом с ними хозяин запирает на тяжелый засов свой любимый гараж. Покосился на трех подростков, укоризненно покачал головой. Петр Иванович толкнул Сергея в бок.

— Пойди, попроси у него спичек. Ты у нас самый интеллигентный.

Сереза про себя вздохнул: очень уж ему не хотелось исполнять роль просителя. Но все-таки подошел к мужчине и, стараясь быть предельно вежливым, вкрадчиво спросил:

— Простите, пожалуйста... У вас не найдется спичек?

Хозяин гаража оценивающе взглянул на него, покачал головой.

— Закурить? И кто только вам сигареты продает? Родители-то знают, что ты куришь? Куда они смотрят?

Терпение Сергея иссякло. Он хотел было повернуться и уйти, но мужчина неожиданно хлопал себя по карманам, достал целый коробок спичек и протянул ему.

— Я, между прочим, не курю. И в школе не курил. И вам не советую. Занимайтесь спортом. Вон какие дохлые. Ну да тут нотациями ничего не поделаешь. Тут характер и собственные мозги надо иметь, а мозгов, судя по всему, у вас маловато...

Хозяин гаража положил тяжелые ключи в борсетку и пошел прочь не оглядываясь. Сергей вприпрыжку подскочил к ребятам.

— Вот! — гордо протянул он Петру Иванычу коробок, почти битком набитый спичками.

— Молоток! — похвалил его Петр Иваныч. — Я же говорил, что ты самый интеллигентный.

Закурили. Задымили, после каждой затяжки сплевывая себе под ноги. Потом начали обсуждать байкерские ботинки Сергея, которые тот надел сегодня впервые. И только тут он заметил, что, пробираясь между гаражами, вляпался в собачью «визитную карточку». Он тщетно попытался очистить рифленые подошвы запачканных ботинок об угол ближайшего гаража. Новые башмаки было очень жалко.

«И чего я тут делаю?» — подумалось вдруг.

Но ботинки понравились.

— Кле-е-вые, — подвел итог обсуждению Петр Иваныч. — Ты сигарету неправильно держишь — так только чувихи курят. Смотри, как надо.

И Петр Иваныч, очередной раз смачно сплюнув, показал Сергею, как это делают настоящие мужчины, взяв сигарету большим и указательным пальцами. Голова у Серезки начала кружиться. Во рту опять накопилась горькая тошнотворная слюна. Он сплюнул ее, но от этого легче не стало. А выкурено было меньше половины сигареты. Но если уж пришел, надо продолжать.

— А если рак легких? — осторожно спросил он.

— Да ну! Не парься! — отмахнулся Никитка. — Она, как медицина развивается. У меня дед в больнице недавно лежал с инфарктом, и что? Вылечили. И он спокойненько, как и раньше, выходит каждый час на балкон курить.

И вдруг откуда-то из-за гаражей неожиданно вынырнули полицейские и с довольными улыбками направились прямехонько к мальчишкам.

— Валим! — неожиданно запаниковал Петр Иваныч, и тут же был схвачен цепкой рукой полицейского.

Никитка успел исчезнуть за гаражами. Да и Сергей рванул было в сторону, но оглянулся. Петр Иваныч перестал трепыхаться в руках стража порядка и, видимо, изо всех сил старался смириться с предстоящим испытанием. Стоял, низко опустив голову. Сергей поразился, не узнавая приятеля, всегда такого самоуверенного и дерзкого. Это его замешательство решило все.

Второй полицейский крепко схватил Сергея за локоть. Он был выше на голову и производил впечатление весьма внушительной личности. Соппротивление было бесполезно.

— Смотри-ка, приятель, у тебя какой друг-то надежный! Ведь мог и слинять, а тебя в беде не бросил.

Полицейские повели мальчишек в отделение. Петр Иванович покорно шел рядом со своим конвоиром, даже не пытаясь вырваться. Сергей лихорадочно соображал, что будет говорить бабушке, которую, как он знал, непременно вызовут.

В кабинете, куда их завели, было душно. На старом письменном столе лежали стопки бумаг, между которыми сидел капитан лет сорока с сердитым выражением лица. Доставившие мальчишек полицейские, злорадно хихикнув, ушли по своим делам. Хозяин кабинета, окинув мальчишек оценивающим взглядом, стал записывать их имена, фамилии и телефоны родителей.

— Ну, облом... Меня отец убьет... — успел шепнуть Сергею Петр Иванович.

Думая о разговоре с бабушкой, тот только тяжело вздохнул.

Полицейский, когда узнал Петину фамилию, усмехнулся и вышел. Вернулся через минуту уже с его отцом, который служил именно в этом отделении. Это был действительно суровый мужик — высокий, с широкими плечами, с мрачным выражением лица.

Он попросил коллегу выйти.

— Вы совсем одурели? — спросил он.

Голос у него был хриплым и низким, отчего сразу становилось не по себе. Дальше со всей серьезностью была прочитана лекция о вреде курения.

После этого он аккуратно взял сына за ухо и повел в свой кабинет по соседству, не смущаясь людей, сновавших в коридоре.

Сердитый майор вернулся, позвонил бабушке Сергея и в официальной форме попросил прийти за внуком. Ничего объяснить не стал, пообещал все рассказать при встрече. После этого уткнулся в бумаги и больше не обращал на Сергея внимания. Тот обреченно ждал возмездия.

Звонок из полиции меня так потряс, что, выслушав полицейского, я едва перевела дух. Никак не могла представить, что такое мог натворить Сергей, чтобы оказаться в отделении. К счастью, оно оказалось в соседнем дворе. Кое-как натянула куртку и понеслась в это совершенно незнакомое мне заведение.

Я старалась идти как можно скорее. Но в ортопедической обуви по весенним лужам это не очень получалось. Сердце стучало так, что казалось, выпрыгнет из груди.

Дежурный при входе вяло махнул рукой на дверь ближайшего кабинета. Я постучалась и вошла. Первое, что увидела, — сидящего в углу несчастного внука, багрового от стыда и ожидания. Я встретила его умоляющий виноватый взгляд и подошла к столу, из-за которого встал полицейский

Он предложил мне сесть и коротко изложил ситуацию. Моя одышка от спешки стала чуть поменьше. Я вытерла взмокший лоб и, не глядя на Сергея, молча выслушала офицера, коротко ответила на его вопросы, выслушала дежурную нотацию по поводу слабого надзора за провинившимся и расписалась в какой-то бумаге. Сергей также получил последние наставления и вышел вслед за мной в коридор. Он, конечно, ждал разноса, но я молчала.

— Ба... Ну прости меня, пожалуйста, — пробормотал он уже на пороге.

Честно говоря, я не знала, что говорить. Теперь, когда жертва никотина была в моих руках, прежде всего надо было обдумать ситуацию. Внук тяжело вздыхал и даже не пытался что-то произнести в свое оправдание. Так мы и шли молча почти до самого дома. Но неожиданно для него, я резко свернула в магазин, и Сергей покорно пошел за мной.

— Стой здесь! — велела я ему, и он обреченно прислонился к стене возле входных дверей.

Но я в отдел не пошла. Купила на кассе пачку каких-то дешевых сигарет и упаковку спичек и, пройдя мимо внука, вышла на улицу. Сергей поплелся за

мною, стараясь приноровиться к моему шагу, но получалось довольно смешно: он комично семенил рядом.

Когда сели в кухне обедать, Сергей извиняющимся голосом наконец произнес:

— Ба...

— Ешь! Успеем поговорить...

Пока ели, я обдумывала свои дальнейшие действия.

Когда он наконец поставил пустую тарелку в раковину и сел на прежнее место, я спокойно достала из сумки пачку сигарет и коробок спичек и протянула их Сергею. Он не понял, вопросительно посмотрел на меня.

— Кури, — спокойно предложила я. — Мне очень интересно посмотреть, как ты это делаешь.

— Ну, бабушка... — он совсем растерялся.

— Кури, кури, — повторила я деланно миролюбивым тоном. — Я тебе даже сигарету достану. Раскурить, правда, не смогу. Никогда в жизни не курила.

Я достала сигарету из коробки, протянула внуку.

— Не буду, — набычился он.

— Не будешь? Почему же? За вонючими гаражами курить можно, а дома, в чистой кухне, нельзя?

— Бабушка, я не курю.

— Не куришь? — удивилась я совершенно искренне. — А что ты делал там, за гаражами?

— Ну, так... Петр Иваныч позвал.

Про Петра Иваныча от внука я была наслышана достаточно.

— Понятно... И ты не смог отказаться?

Внук помолчал, потом не слишком уверенно произнес:

— Если Петр Иваныч позвал, то отказываться — себе дороже.

— Он что, избил бы тебя? Ты его так боишься?

Сергей даже возмутился.

— Я никого не боюсь. Но зачем лишний раз в позу вставать? Я как все.

— И ты боишься быть не таким, как все? Ты считаешь, что надо всегда быть в стаде?

Внук молчал.

Я тоже помолчала, думая над словами, которые собиралась произнести. Без моралите тут никак невозможно было обойтись.

— Я прекрасно понимаю, что в твоём возрасте надо иметь достаточное мужество, чтобы не подчиняться стадному чувству. Но взрослый человек, личность, настоящий мужчина отличается от такого слабака, как ты, не растительностью на подбородке, а умением проявлять свою волю и оставаться собой в любых обстоятельствах. Чем быстрее ты это поймешь, тем раньше станешь зрелым человеком. Тебе есть у кого поучиться: папа в твоём возрасте никогда не боялся иметь собственное мнение по любому поводу, и мальчишки его за это только уважали.

Сергей обреченно вздохнул и взмолился:

— Бабушка, пожалуйста! Не говори ничего родителям!

— Я им рассказывать про твои подвиги ничего не собираюсь. Это твоё дело. Захочешь — расскажешь сам, если считаешь нужным. Заодно проверишь себя — насколько ты повзрослел за прошедшие полгода.

На перемене класс облетела сногшибательная новость: гаражи за школой, те самые, где ребята прятались от посторонних глаз, сносят. Новость эту принес Никитка, который в связи с этим событием прогулял целый урок. Едва дождавшись окончания занятий, ребята помчались к своим любимым гаражам, которых уже не было. Группа

опечаленных владельцев провожала скорбными взглядами отъезжающий самосвал с остатками старого хлама, и какой-то деловой мужчина спокойно что-то им объяснял. Бульдозер выравнивал опустевшую площадку. Работы были закончены, бывшие владельцы разошлись, только растерянные мальчишки не расходились.

— Вы что, ребята? — подошел к ним тот самый деловой мужчина. — Я знаю, вы здесь всегда тусовались. Не расстраивайтесь. На следующей неделе на этом месте будет спортивная площадка с отличными тренажерами. Это куда интереснее и полезнее, чем курение за стенами гаражей.

Это, конечно, была новость. Весна набирала силу, вечера становились длиннее и светлее, гулять становилось интереснее, а перспектива вместо старых гаражей получить тренажеры интриговала. Несколько дней класс жил ожиданием. Каждый день после уроков почти полным составом, включая девчонок, все бежали на новую спортивную площадку.

Мужчина не обманул: работы начались скоро. Сначала укрепляли грунт, засыпали беговые дорожки, потом появилась сетчатая ограда, за которой оборудовали игровое поле, которое застелили каким-то искусственным газоном и поставили футбольные ворота и баскетбольные кольца.

— Вот где теперь будем мячик кидать... — толкнул Никитка в бок Сергея.

Тот кивнул.

— Теперь можно и команду создать. Я — баскетбольную, вы с Петром Ивановичем — футбольную. Он здорово мотается. Я как-то видел...

И вот на оборудованной в стороне от игрового поля площадке начали устанавливать какие-то тренажеры. Их привезли и разгрузили поздно вечером, а монтаж должны были начать с утра, когда ребята на занятиях.

Правда, Никитка, по традиции опоздавший к началу уроков, успел всем сообщить, что сборкой тренажеров уже занимаются двое механиков в красивой униформе, и, как только прозвенел последний звонок, все наперегонки рванули из школы. Но на площадке что-то случилось — посреди нее стояла машина скорой помощи. Двое мужчин в медицинских халатах вытаскивали из салона носилки. Женщина-врач накладывала длинную шину на ногу рабочему в униформе, сидящему прямо на холодной земле, помогал ей, видимо, товарищ пострадавшего. Вскоре скорая уехала, а оставшийся рабочий растерянно стоял посреди площадки, не зная, что делать.

Тяжелые разобранные тренажеры были разложены по всей спортивной площадке, ящик с инструментами стоял распахнутый, и несколько пар любопытных глаз растерянно следили за его действиями.

— Чего смотрите? — не лишком приветливо взглянул он на них. — Накрылась ваша площадка медным тазом, по крайней мере, недели на две. У наших своя работа. У Василия нога сломана серьезно, доктор сказала — оперировать надо... Один я ничего сделать не смогу, а начальство наше думает медленно...

— Мы поможем, — робко предложил Сергей.

— Так кто вас допустит? Васька — человек опытный и то ногу неудачно подставил, тренажер на него и свалился. А за вас меня вообще в тюрьму посадят...

— А тренажеры как же?

— Сейчас доложу начальству. Пришлют машину. Надо обратно на склад везти... Расстроенный рабочий достал мобильный телефон.

— Подождите! Я бате сейчас позвоню... — вдруг решительно остановил его Петр Иванович. И пояснил: — Он полицейский. Сейчас неделю в отгуле. Если дома, то обязательно, поможет. А то и нашего участкового прихватит, они корешки.

— Цыц! — приказал он ребятам, набирая телефонный номер. Никто и не собирался ему возражать. — Пап, привет! У меня проблема. Вернее, у всех нас проблема. Да подожди ты ругаться, я сейчас объясню...

Петр Иванович не обладал красноречием, за что ему частенько доставалось от учительницы литературы, но тут он как-то сумел собраться. Сергей даже удивился тому, как тот легко и четко рассказал о случившейся неприятности. Последовала некоторая пауза, после которой был дан краткий ответ. Петр Иванович просиял.

— Ну я же сказал, что поможет. Подождите пятнадцать минут, пожалуйста, — очень вежливо попросил он рабочего. — Батя у меня человек сильный, ловкий, von ребята его знают, подтвердят.

Одноклассники дружно закивали головами. А Сергей про себя удивился: надо же... Умеет Петр Иванович нормально разговаривать, когда захочет.

Отец его, и правда, пришел довольно быстро, и не один, как и предполагал сын, а с двумя крепкими мужиками. В одном из них, в форме, Сережа мгновенно узнал мрачного капитана, который распекал его за курение в своем кабинете месяц назад, а другой, судя по всему, был участковый, друг отца Петра Ивановича.

Едва поздоровавшись с ребятами, мужчины подошли к рабочему и негромко начали обсуждать детали установки тренажеров. Вскоре китель капитана оказался на плечах Петра Ивановича, фуражка — на голове Никитки, и полицейские принялись за дело под руководством мастера.

Сергей с сожалением покинул будущую тренажерную площадку: надо было делать уроки и вечером идти к репетитору.

Утром перед школой он специально выскочил из дома пораньше, чтобы успеть завернуть на спортивную площадку. Здесь уже толпились не только его возбужденные одноклассники, среди которых он заметил Надежду с подружкой Наташкой, но и учеников других классов.

Он растолкал ребят и вышел вперед. Пять установленных накануне тренажеров занимали всю площадку и возвышались над ней как пять огромных металлических монстров. Но время поджимало, и вся эта восторженная толпа ввалилась в школу одновременно с первым звонком на уроки.

На переменах школа бурлила: всем не терпелось опробовать тренажеры. Петр Иванович, как всегда, взял инициативу в свои руки — повесил в раздевалке, приклеив к стене скотчем, коряво написанное объявление такого содержания:

«Треножерная плащатка будет занята ежедневно 7 «Б» с 19 часов до 21. Всем другим туда не саваться».

Сергей прочитал, усмехнулся, хотел было сказать Петру Ивановичу про ошибки, но передумал. Неизвестно, как Петр Иванович отреагирует, он человек непредсказуемый. Найдутся умники, укажут ему и на ошибки.

Но умников не нашлось. Так это объявление и провисело несколько дней, пока его не снял кто-то из учителей.

Но дело было сделано: с седьмым «Б» спорить никто не стал, с девятнадцати до двадцати одного тренажеры были в их распоряжении. Но оказалось все не так просто: пользоваться ими никто из ребят не умел.

Отец Петра Ивановича вышел на работу, теперь он был занят. Просить о помощи капитана полиции ни Сергей, ни Петр Иванович не хотели. Школьный учитель физкультуры только посмеялся над их просьбой о помощи, заявив, что ему хватает нагрузки на уроках. Вот если бы эти тренажеры стояли на школьном стадионе, тогда другое дело.

Разочарованные ребята сделали еще несколько попыток освоить непослушные конструкции, но не могли понять, как правильно ими пользоваться. В конце концов все перебрались на игровое поле. Сергей принес свой любимый баскетбольный мяч, который ему подарил папа на прошлый день рождения.

И, вдохновленные завистливыми взглядами ребят из младших классов, облепивших огораживающую поле сетку, до самой темноты — броски в баскетбольное

кольцо, а крики иногда перемежающиеся крепким словом игроков, разносились далеко вокруг.

Замечания мам и бабушек малышей, осваивающих новые качели, в расчет не принимались до тех пор, пока те не привели грубую физическую силу. Эта сила в образе трех крепких мужиков зашла за сетку, огораживающую игровое поле, и пообещала, если что, лишит команду возможности играть на этой площадке.

Вид у блондистелей чистоты русского языка был довольно внушительный, а обещания убедительными. Но тут началась последняя четверть, одна за другой посыпались контрольные, учителя задавали много работы на дом, и Сергею, к тому же, надо было готовиться к занятиям с репетитором. Но пустующие тренажеры, конечно, по-прежнему манили.

Ночью я проснулась от собственного судорожного всхлипывания. Сколько лет прошло, а мне все снится прошлое, и я опять плачу во сне, словно все случилось только вчера или даже сегодня. Не зажигая свет, долго лежала в темноте.

Тот день я помню поминутно. Он начинался обычно, наш с Сашей рабочий день. Мы трудились на медицинском поприще в одном НИИ: он заведовал хирургическим отделением, я — отделением реабилитации. У каждого свои обязанности и свои проблемы. Саша плохо спал ночь, вертелся, вставал,пил какие-то таблетки, снова ложился... Я, конечно, не спала тоже. Меня очень беспокоило его здоровье, мы уже пережили один инфаркт.

Но муж был из тех мужчин, которые никогда не жалуются и на вопросы о самочувствии только злятся. Сын ушел в школу раньше нас, но и мы собрались быстро: Саша уже завел машину, чтобы разогреть двигатель. И снова поднялся, чтобы позавтракать. На работу приехали за полчаса до планерки, муж всегда начинал рабочий день с разговора с дежурным врачом до общей утренней конференции. Разошлись по своим отделениям в разные стороны. Потом виделись на летучке. У Саши были запланированы две операции, меня уже ждала стопка историй болезни на рабочем столе. Ничто не предсказывало беду. Я была в зале лечебной физкультуры, занималась с больными, когда вдруг в распахнутую дверь влетела старшая медсестра моего отделения.

— Надежда Федоровна, в реанимацию! Быстро!

Мы много лет проработали вместе и понимали друг друга без слов. Забыв о своей хромоте, я пронеслась мимо нее как вихрь.

В отделении реанимации на первой кровати у двери лежал раздетый до пояса мой Саша. Он был мертв. Коллеги-доктора и медсестры стояли в стороне — все ждали меня. Наш общий друг Игорь, главный реаниматолог клиники, обнял меня за плечи.

— Мы сделали все, что могли, Надя...

Старшая операционная сестра, тихо всхлипнув, пояснила:

— Операция была самая обычная... Никаких сложностей. Он закончил, вышел за дверь и упал...

Я окончательно проснулась. Еще немного полежала в темноте, потом зажгла: надо было вставать и готовить завтрак внуку.

Как-то раз Сергей заметил:

— Бабушка, вот ты про своего деда много знаешь, а я про своего совсем мало. И я его почти не помню. Только помню, что он иногда играл со мной в футбол во дворе, мне ужасно нравилось, когда он сажал меня на плечи. Как вы с ним познакомились? Вы учились вместе в институте?

Я не сразу разговорилась. Но потом воспоминания унесли меня в далекие годы нашей с мужем молодости. Мы с внуком тогда проговорили до позднего вечера.

Когда наконец я отправила его спать, долго не могла успокоиться, все вспоминала и вспоминала... Хорошо, что я рассказала Сергею о его деде! Если он когда-нибудь тоже захочет заняться поисками предков, какое-то представление о нас у него уже будет.

Нет, мы не учились с Сашей в одном институте. Он был на шесть лет меня старше.

Оставшись одна, я дала себе слово, что в память о родителях окончу институт с красным дипломом. Но медицинский институт не самый легкий вуз. Бывали срывы, конечно: что-то недоучила, чему-то по легкомыслию не придала значение. Кажется, за шесть лет раза три пришлось пересдавать экзамены ради заветной оценки «отлично». Но красненькую книжечку я все-таки получила. Пошла на кладбище, где родители по завещанию отца покоятся в одной могиле, поплакала и долго сидела рядом с ними на скамеечке.

В институте, конечно, было много друзей, но вскоре после его окончания все разлетелось кто куда. Я поступила в интернатуру по хирургии в лучшую больницу города — красный диплом давал на это право. В первый рабочий день я успела познакомиться со всеми врачами своего отделения, и они показались мне просто замечательными людьми.

А вечером я поехала кататься на новеньком велосипеде, чтобы как-то успокоиться и утихомирить свое радостное возбуждение. И через несколько минут меня сбил грузовик, за рулем которого сидел, как потом выяснилось, пьяный водитель. Почти мгновенно я потеряла сознание. Только на несколько минут пришла в себя в машине реанимации. Еле-еле шевеля разбитым ртом, успела сказать медикам, что я интерн, назвала свою больницу и опять отключилась.

Потом были долгие мучительные дни — сначала в реанимации, затем в обычной палате. К счастью, внутренние органы повреждены не были, но хватало и множества сложных переломов. Саша в тот день был дежурным травматологом, и я попала к нему на операционный стол. Сначала надо мной поколдовал реаниматолог, а потом Саша собирал из осколков мое левое плечо. Это сейчас есть какие-то синтетические заменители костной ткани, а тогда все решала только квалификация травматолога. Ему пришлось повозиться и с моей раздавленной стопой, пальцы которой пришлось ампутировать. Была огромная скальпированная рана на бедре, позднее пресадка кожи...

За три месяца в больнице я несколько раз проделывала один и тот же путь: операционная — реанимация — палата... И опять операционная. Ухаживать за мной было некому. Благодаря Саше в стационаре меня продержали по возможности долго. Постепенно я возвращалась к жизни. И хотя левый локоть навсегда остался в согнутом состоянии, в конце пребывания на больничной койке я поняла, что счастлива — я встретила Сашу.

Он был каждый день рядом, не только моим лечащим врачом и другом, он как мог поддерживал во мне уверенность в своих силах, приносил газеты и журналы, какие-то книги. Он стал для меня всем. Мы подолгу разговаривали о моем будущем: о хирургии не могло быть и речи, но в медицине много специальностей, в которых я могла бы найти себе применение. В конце концов, пройдя через десятки медицинских кабинетов, я выбрала реабилитацию, которая и стала моей профессией..

Из больницы Саша забрал меня в свою однокомнатную квартиру, которая была всего метра на три больше моей. Вскоре мы поженились. Я всегда считала, что я последняя из нашего рода Поповых. Все мои попытки найти хотя бы дальних родственников ни к чему не привели. Но, по иронии судьбы, при замужестве мне не пришлось менять фамилию — мы с Сашей оказались однофамильцами. Он был родом с Дальнего Востока, отец его в достаточно высоком офицерском звании прослужил всю жизнь на флоте. Мой свекр до самого конца так и остался верен Тихому океану.

Муж, окончив институт в Хабаровске, в ординатуру поступил в Москве и получил направление в ту самую областную больницу, где нам суждено было встретиться. Мы прожили вместе тридцать пять лет. Конечно, не все сразу у нас получилось.

Я человек импульсивный, вспыльчивый, а он по характеру был сдержанным и немногословным, но страшно упрямым. Если он принимал какое-то решение, то переубедить его было невозможно. Первые годы я пыталась, но потом поняла — безнадежно. Постепенно притерлись, поняли, что в спорах никакой правды нет, надо принимать друг друга такими, какими родились. Через год я получила свидетельство реабилитации, а Саша с блеском защитил кандидатскую диссертацию. Вскоре его пригласили на работу в НИИ, куда через некоторое время перевелась и я. Потом у нас родился Николай... Но это была уже совсем другая жизнь.

За ужином Сергей рассказал бабушке о неудаче с тренажерами на спортивной площадке.

Она внимательно его выслушала и неожиданно предложила:

— Нарисовать эти тренажеры сможешь?

— Запросто!

Сергей неплохо рисовал и чертил, и набросать эскизы тренажеров ему не стоило никакого труда. Бабушка, изучив рисунки, улыбнулась.

— Ну и что же вы тут не смогли понять?

Сергей пояснил довольно коротко:

— Тут не разобрать, в каком порядке надо руками и ногами двигать. Понятно, что ноги внизу, а руки наверху, только тренажер-то все равно не двигается, задом виляешь в разные стороны. А толку ноль...

— У тебя уроков много сегодня? — вдруг спросила бабушка.

— Да, хватает... А что?

— Делай уроки, а потом пойдем на вашу площадку. Я тебе покажу, как надо на этих устройствах работать.

— Ты покажешь? — поразился Сергей. — Откуда ты знаешь?

— Это моя профессия, внучек, — потрепала она его по волосам. — По крайней мере, была много лет. В нашей клинике в зале лечебной физкультуры стояли тренажеры намного сложнее. А сейчас, наверное, еще интересней есть приборы.

— Ну, баб, ты даешь. Я пошел делать уроки. Только пока я их сделаю, совсем темно на улице будет. Хотя там фонари кругом светят. Ничего?

— Ничего, ничего. Иди занимайся.

Фонари на улице уже горели вовсю, когда мы с внуком отправились на тренажерную площадку. Шли быстро. Сергей даже подпрыгивал от нетерпения.

— Вот будет номер, если я завтра начну на виду у всех на этих тренажерах качаться! Все обалдеют!

Но на футбольном поле еще шла игра. Сергей притормозил, замедлил шаг.

— Ты что?

— Ты понимаешь, баб. Это ведь наши. Петр Иванович, Никитка и другие. Они же надо мной смеяться будут.

— А, вот ты о чем... Смеяться будут, что ты с бабушкой сюда пришел? Потерпи. Смеяться будут недолго, вот увидишь.

Конечно, футболисты нас сразу заметили. Поначалу даже не поняли, что мы собираемся делать, но игра прекратилась, они прилипли к ограждающей сетке и с возрастающим любопытством следили за нами.

— Серега, ты че? Бабушку привел, чтобы она тебя подержала? Упасть боишься?

— Молчи, — тихо посоветовала я внуку.

Он шел чуть впереди, низко наклонив голову. Мы подошли к первому тренажеру. Я быстро окинула его взглядом. При свете уличных фонарей сразу поняла, в чем тут была загвоздка для мальчишек.

— Ставь одну ногу сюда, вторую сюда, — скомандовала я. Профессиональный навык сработал мгновенно. — Нет, руки не так. Правую просунь вот сюда, а левую снизу. Понял? А теперь начинай по очереди раскачивать ноги. Не бойся. Они никуда не денутся.

Тренажер слегка скрипнул и мягко пришел в движение. За сеткой кто-то присвистнул, и вскоре вся команда столпилась за моей спиной.

— Теперь переходи на следующий.

Сергей понемногу увлекался. Смущение куда-то исчезло. Он с удовольствием осваивал, в общем-то, довольно примитивные тренажеры. Мы переходили от одного механизма к другому, а на первом тренажере уже раскачивался кто-то из мальчишек, остальные с любопытством слушали мои объяснения.

Я свою работу закончила.

— Я пошла домой, Сережа. Ты остаешься?

Внук не успел ответить.

Вперед выступил один из мальчишек, как я поняла, тот самый Петр Иванович.

— Вы тренер, наверное?

— Я врач-тренер. А чтобы совсем стало понятно — спортивный врач.

Я посмотрела на внука. В отсвете фонарей видела, что он сдерживает довольную улыбку.

Прощавшись с ребятами, я пошла домой.

За спиной слышала одобрительные реплики в свой адрес.

— Ну, Серега. У тебя такая бабушка, а ты молчал?

— Мне бы такую!

— Да уж... С ней не соскучишься!

А потом последовал неизбежный вопрос:

— А чего она хромает?

— Под машину попала. Еще в молодости, — ответил мой внук.

Он вскоре догнал меня. Шел рядом и продолжал молча улыбаться. В темноте, даже при свете уличных фонарей, я вижу неважно и несколько раз споткнулась.

— Баб, ты держись за меня.

Я оперлась на его острый локоть.

— Ну, все нормально? Ты доволен?

— Ну, баб! Спрашиваешь! Только...

— Что только?

— А ты ведь тоже соврала. Ну, неправду сказала, что ты спортивный врач...

Ты ведь врач по лечебной физкультуре.

— Сережа, я перестала врать еще в твоем возрасте, поняла, что это бессмысленно... Моя специальность имеет два направления — это лечебная физкультура и спортивная медицина.

— Тогда извини.

Так мы и дошли до нашего дома.

«Вот и дожила, — подумалось, — ковыляю, опираясь на локоть внука...»

...Я уже почти спала и собиралась выключить бра, как Сергей поцарапался в мою дверь, и я услышала его бодрый голос:

— Ба! Бабуля!

— Заходи. Ты чего не спишь?

Он вошел. Из коротких шортиков пижамы торчали тощие и по-взрослому волосатые ноги. Присел на пуфик возле трельяжа.

— Я все думаю, баб... Ведь кто-то эти тренажеры изобретает?

— Конечно. Есть такие специалисты. Инженеры.

— Вот именно. Ну, на спортивной площадке, там, конечно, они механические, простые. Но ведь ты говоришь, что в больницах есть очень сложные, электронные. Я, правда, не слишком понимаю, для чего они нужны.

— Бывают очень тяжелые больные, Сережа, которые после аварий, операций или сложных болезней годами лежат пластом. Эти тренажеры поднимают их, ставят в вертикальное положение, а врач в соответствии с диагнозом запускает ту часть механизма, которая разрабатывает парализованные конечности или выполняет какие-то другие функции. Это очень сложная работа.

— И ты такой специалист?

— Была когда-то не самым плохим. Сейчас, конечно, отстала. Эта отрасль медицины за годы моего безделья далеко шагнула. Она все время развивается.

Сергей надолго замолчал, обдумывая что-то свое.

— Значит, надо не только в электронике разбираться, но и в медицине тоже, чтобы создавать такие тренажеры?

— Конечно, какое-то основное представление о клинике заболевания надо иметь. Но вообще инженеры и врачи этой специальности постоянно друг друга консультируют, иногда даже работают вместе.

— Круто. Вот бы посмотреть, как это выглядит.

— А ты попроси папу, чтобы он тебя в лабораторию отвел, где эти тренажеры только зарождаются. Эта лаборатория в нашем НИИ, где мы с твоим дедом работали. Я думаю, отец сумеет тебе такую экскурсию организовать. Можно и одноклассников позвать, кому это тоже интересно.

— Я Веньке скажу. Он ведь электроникой интересуется. Он меня в секцию звал по робототехнике, а я, дурак, отказался.

— Может быть, и правда, стоит с роботов начать. Ну, ладно, иди спать, поздно уже. Поговорим еще.

Сергей встал и шмыгнул носом.

— А вдруг, баб, это то, чем я всю свою жизнь буду заниматься?

Я только засмеялась в ответ.

Утром внук убежал в школу, а я вернулась к своим «изысканиям».

Своих дедов и бабушек я не знала ни по отцовской линии, ни по материнской. Я была поздним послевоенным ребенком — они покинули этот мир до моего рождения. Но в семейном альбоме много их фотографий, и о своем замечательном деде-хабаровчанине я слышала немало рассказов от своего отца.

И вот я держу в руках старинную фотографию из нашего семейного альбома... Это Петербург. Выполнена в ателье знаменитого фотографа Юлия Вейденбаума, что находилась на Выборгской стороне. Три молодых человека в форме слушателей Военно-медицинской академии сидят вокруг круглого стола, покрытого темной узорчатой скатертью. В руках шпаги (возможно, это оружие называется иначе, я не слишком разбираюсь). Все в стиле того времени. Фотография самого высокого качества. На оборотной стороне надпись от руки, видимо, моего деда: «9 октября 1905 года». И еще две короткие четкие надписи разными почерками, видимо его друзей.

Одна даже в стихах:

*Ах юность, юность удалая,
Житье в то время было нам,
Когда опасность презирая,
Мы все делили пополам...*

Вторая надпись в прозе: «Поминай, милый друг, о днях “манежа воровского”».

Что это значит, мы уже никогда не узнаем. Очевидно, это имело смысл только для этих троих друзей, одним из которых был мой дед. Вот он здесь справа.

Отец мне никогда не рассказывал, почему мой дед, потомственный сибиряк, вдруг оказался в Петербурге. Очевидно, была такая мечта — стать военным врачом. Я не знаю точно, в каком году он поступил в академию. Кажется, в 1904-м, за год до того, как был сделан этот снимок, который я все разглядываю и исследую.

Итак, 1905 год... Год первой революции. Что же происходило в это время в императорском учебном заведении? Лезу в Интернет. Волнения, охватившие рабочих Петербурга, передавались и студентам. Военно-медицинская академия постепенно превращалась в центр революционных выступлений сначала на Выборгской стороне, потом и во всем городе. Ее аудитории использовались для нелегальных сходок и собраний.

Император на соответствующий рапорт военного министра наложил резолюцию «Строжайше взыскать с виновных». В ответ начались отчисления слушателей. Я не думаю, что мой дед был в то время пламенным революционером. Вряд ли... Судя по всему, цель в жизни у него была совсем другая: он хотел стать военным врачом.

Но в октябре 1905 года Военно-медицинская академия была закрыта.

Так вот, когда была сделана эта фотография! Друзья расставались, не зная, встретятся ли вновь... Ведь я много раз держала в руках этот снимок — мне очень нравились эти подтянутые молодые люди. Вот как неожиданно история открывает свои страницы... Ведь это не только сугубо личная биография — это история нашей страны.

Академия была открыта вновь ровно через год — осенью 1906 года. Где находился мой дед в течение этого времени, неизвестно. Скорее всего, он уехал в Томск, где в то время жили его родители. Но академию он окончил в 1911 году. В нашем семейном архиве сохранился документ о получении Сергеем Владимировичем Поповым звания лекаря с отличием. После окончания академии он был обязан идти на военную службу.

Моего деда, потомственного сибиряка, манил Дальний Восток. По собственной просьбе он был направлен в Хабаровский военный лазарет на должность младшего ординатора. Это был то ли 1913, то ли 1914 год.

Тяжелые годы... Над Россией нависла реальная угроза войны. Правительство накапливало силы на Дальнем Востоке. В город непрерывно прибывали все новые и новые воинские части.

Еще несколько лет назад меня неожиданно разыскали дальневосточные краеведы, которые работали над историей хабаровского военного лазарета. Между нами началась активная переписка, в результате которой в нашем семейном архиве появилось много интересных записок и воспоминаний современников о работе Сергея Владимировича Попова в те далекие годы — людей, которые хорошо знали его, работали с ним или лечились у него.

Что же мне теперь известно?

Ветхие одноэтажные бараки лазарета стояли прямо на склонах Военной горы, сбегавшей к Амуру. Воду для питья возили прямо из Амура в бочках, она была грязной, мутной, пахла тиной... Лазарет был очень беден: недоставало белья, посуды, медицинских инструментов.

Вместе с дедом в нем служили только четыре врача, которые лечили иногда по пятьсот больных кряду. Несмотря на все организационные сложности, лечебная работа была вполне на уровне медицины своего времени. Вскоре мой дед был на-

значен начальником хирургического отделения. Несмотря на молодость, он брался за самые сложные операции. По воспоминаниям врачей и больных, хирургом он был блестящим: оперировал на почках, удалял опухоли, смело вмешивался при ранениях живота и грудной клетки, занимался рентгенологическим обследованием больных.

Кстати, рентгеновский аппарат в лазарете был, но когда барахлила электростанция с паровым двигателем, то электричество для него получали при помощи ручных двигателей: восемь-десять служителей вращали маховое колесо. И... качество снимков было вполне достойное.

Но вот прогремела Октябрьская революция. На Дальнем Востоке началась долгая, мучительная Гражданская война.

Осенью 1918 года революционными войскам пришлось оставить Хабаровск. В город вместе с американо-японскими интервентами вошла банда атамана Калмыкова. Наступили страшные дни калмыковщины. Атаман начал кровавую расправу над оставшимися в городе красногвардейцами и сочувствующими советской власти. В течение нескольких дней тюрьмы оказались переполненными. В ход были пущены страшнейшие орудия пыток, в многочисленных застенках текла кровь тысяч невинных людей. Каждый овраг в городе и за городом становился братской могилой. Своими зверствами Калмыков только разжигал у местных жителей и рядовых казаков ненависть к белым. Люди уходили в тайгу, и красное партизанское движение на Дальнем Востоке приобрело огромный размах.

Но среди партизан не оказалось профессиональных медиков, а раненых и больных становилось все больше. Хабаровский же лазарет в те годы обслуживал и военных, и гражданское население. Тайком по ночам под видом больных находились и те, кому надо было скрыться от оккупантов. Сюда поступали и раненые партизаны под видом охотников, попавших в переделку на промысле. И, поскольку начальником хирургического отделения был доктор Попов, то все эти люди, так или иначе, оказывались под его опекой.

Сотрудники лазарета работали в очень сложной обстановке. Достаточно было одного доноса — и нетрудно себе представить, как расправился бы Калмыков с медиками. Но врачи и фельдшера, сестры милосердия и хозяйственные рабочие — почти весь персонал лазарета чем мог помогал нуждавшимся в медицинской помощи и защите.

Уже наступили морозы и выпал снег. Однажды темной ночью у дома доктора Попова остановились два всадника в белогвардейских мундирах и громко забарабанили в дверь.

— Просыпаясь, доктор! — не слишком любезно крикнул один из них.

В ответ на притихшей улице громко залаяли собаки.

Сергей Владимирович спустил ноги с постели. Закутался в халат. Ночные визиты были ему привычны, часто вызывали в лазарет, да и калмыковцы в случае нужды не слишком церемонились.

Маша, жена, тоже вскочила, накинула шаль на плечи. В дверь колотила уже и вторая пара кулаков.

— Иди к сыну. Я разберусь...

Жена кивнула. В темноте скрипнула дверь в детскую. Сергей Владимирович зажег керосиновую лампу, которая всегда была под рукой, вышел в сени.

— Кто там?

— Открывайте, доктор! Нужна ваша помощь...

Сергей Владимирович отпер дверь, приоткрыл ее и увидел на пороге двух белогвардейцев. Возле калитки топтались три (почему три?) верховые лошади.

— Проходите.

Нежданные визитеры вошли, и тут же тон их изменился.

— Вы нас простите, Сергей Владимирович... Пришлось заниматься маскрадом...

Он все понял.

— Чем могу быть полезен?

Он был не только полезен, он был необходим в лесу, в партизанском отряде, где были раненые. Его ждали, надеялись, верили, что поможет. Доктор колебался: жена. Сынишка... Все трое в большой опасности. И все-таки он решился.

Чтобы не вызывать подозрений, Сергей Владимирович тоже переоделся в военную форму, вынес всегда готовый медицинский саквояж с лекарствами и инструментами... Три военных всадника проехали по центральным улицам. Миновали патрули и поскакали в ближайшую деревню, где их уже ждала повозка... Лошадей меняли часто, врача ждали на каждом партизанском посту, ехали, не останавливаясь, всю ночь, а с рассветом доктор Попов приступал к операциям в партизанском лазарете.

Утром моя бабушка, Мария Захаровна, как было договорено, побежала в комендатуру сообщить, что ночью ее мужа похитили партизаны, связали и насильно увезли в неизвестном направлении... Калмыковцы сбились с ног, разыскивая следы пропавшего доктора, но все было напрасно. А через сутки глухой ночью он вернулся в город, спешился на соседней улице и, никем не замеченный, пришел домой.

Поутру был вызван для объяснений к коменданту города. Трудно представить, какую выдержку и хладнокровие нужно было тогда проявить моему деду. На все вопросы по поводу местонахождения партизанского отряда он твердо отвечал, что везли его глухой ночью, в темноте, и понять, где он находится, было невозможно. Партизаны предусмотрительно выдали ему документ, который подтверждал, что «их высокоблагородие» был похищен ими под угрозой смерти. Из комендатуры деда моего отпустили, а начальник патруля получил взыскание от коменданта за то, что в городе так свободно по ночам разгуливают партизаны.

Но вскоре помощь хирурга понадобилась и в другом партизанском отряде, который находился в пятидесяти километрах от Хабаровска, на другом берегу Амура. Добираться туда надо было на санях через замерзшую реку, семь-восемь часов в один конец.

На этот раз план предложил сам мой дед. Надолго отлучиться из города в будний день он не мог, поэтому вылазку отложили на субботу. Доктор Попов в городе был известен как заядлый охотник, отъезд его на санях с ружьем никого бы не удивил. Если выехать из города часа в три дня, то к ночи можно добраться до места. Но в воскресенье вечером начальник хирургического отделения лазарета должен быть дома... Так и поступили. Тепло одетый доктор Попов вынес из дома отличное охотничье ружье, туго набитый рюкзак и уютно устроился в санях. В других санях расположились два деревенских мужика, сопровождая барина на охоту.

Всю следующую ночь хирург Попов оперировал. Перевязывал, накладывал лубки. К утру без сил свалился на нары и уснул. Провожали доктора всем отрядом. По приказу командира положили в сани «их высокоблагородия» убитую козу, доказательство удачной охоты и подарили Попову отличный заячий тулуп. В нашем семейном фотоальбоме есть несколько фотографий деда в этом самом тулупе...

На этот раз в город въезжали шумно, весело, на тех же двух санях. Молодой усатый подполковник довольно поигрывал ружьем. А на почтительном расстоянии в других санях следовали двое мужиков, сопровождавших козу, убитую их баринном. Они весело обсуждали охоту и меткий выстрел доктора. Веселая компания благополучно миновала патрули. По семейному преданию, только дома мой дед понял, что встреча с патрулем могла ему дорого обойтись: ведь он держал в руках охотничье ружье, а коза была убита из винтовки.

После окончания Гражданской войны деда пригласили преподавать в Хабаровском медицинском институте, где он впоследствии заведовал кафедрой. Недаром краеведы взялись разыскивать родственников доктора Попова и вышли на меня, его внуку. Сергей Владимирович оставил славный след в исторической памяти хабаровчан...

Как-то спросила у внука:

— Что вы сейчас по истории проходите?

— Ну, про династию Романовых... Скукота...

Да, конечно... В его возрасте я также примерно думала. Каким же талантливым педагогом надо быть, чтобы увлечь подростков отечественной историей! Что же и как я должна ему рассказать о его прапрадеде? Надо подумать.

С приходом весны и последней четверти жизнь в школе стала веселее. Все ярче и дольше светило солнце. Тянуло на улицу. Сергей все чаще брал с собой в школу любимый баскетбольный мяч, держал его наготове под столом, чтобы на переменках, проскочив раздетым мимо охранника, немного погонять его под школьными окнами.

Как правило, компанию ему составлял Венька, и они еще больше сблизились в эту весну. Расписание тренировок на тренажерной площадке снова вошло в силу, и с девятнадцати до двадцати одного часа никто не мог помешать седьмому «Б» качать бицепсы и мышцы. Тренажеры только радостно поскрипывали при работе, в них уже легко разбирались все мальчишки. Позднее сюда начали приходиться и старшеклассники, а по выходным с раннего утра тренировались даже взрослые мужики.

Но, когда нет препятствий, становится скучно, и постепенно тренажерная площадка опустела: мальчишки переместились на игровое поле: здесь все менялось каждую минуту. Во время игры можно было поорать, посвистеть, потолкаться, на ходу придумывая друг другу клички и прозвища... А опустевшую тренажерную площадку постепенно заняли девчонки. Они быстро освоили эти спортивные снаряды, раскачивались и подкачивались спокойно, без лишних эмоций, деловито меняясь местами.

Сергей сегодня пришел совсем поздно, долго делал домашнюю работу. Но все-таки он взял с собой баскетбольный мяч. Очевидно, вдоволь наигравшись, ребята уже разошлись по домам. Посреди игрового поля только Петр Иваныч с Никиткой вполголоса обсуждали какие-то свои дела. Кажется, они тоже собрались уходить.

— Ты бы еще позднее пришел, — буркнул в сторону Сергея Петр Иваныч. — Будешь тут сам развлекаться. Мы уже уходим.

Сергей оглянулся. На опустевшей тренажерной площадке только Надежда и ее неизменная подружка Наташка спокойно раскачивались на стоявших рядом тренажерах. Петр Иваныч с Никитой, подняв со скамейки брошенные куртки, направились к калитке в сетчатой ограде.

И тут Сергей увидел, что на площадку решительно вбежали три девушки из десятого «А». Настроены они были очень воинственно. Они были рослые, на голову выше Нади и ее подружки. С угрожающим видом они подошли к тренажерам.

— Ну, в лом... Гляди-ка, Петр Иваныч... — протянул Никитка.

— А че... Тут точно театр будет...

Они встали у калитки. Сергей, ничего не понимая, не сводил глаз с пришедших.

— А ну, слезай... — услышали они повелительный голос одной из воинственных девушек.

Надежда слезать не спешила. Перестала раскачивать тренажер и выжидательно смотрела на них. Она явно не врубалась, в чем дело.

— Тут запахло жареным, — определил Петр Иванович. — Я Коренькову позовно, что он скажет...

Он достал простенький телефон и быстро набрал номер.

— Слушай, Леха... Тут тема есть... На твою Надьку телки из вашего класса поперли. Вот-вот ее поколотят... Чего делать-то?

Ответ Коренькова был достаточно лаконичным. Убирая телефон в карман, Петр Иванович пояснил Никитке:

— Его работа. Велел не вмешиваться. Говорит, Надьку проучить надо, она его отшивает все время. Недотрогу из себя корчит. Вон та, самая здоровая — это Ленка Васильева. Она на Леху глаз еще в пятом классе положила, а он все за Надькой бегаёт. Так что она ей сейчас покажет, кто главнее — мало не покажется. Пошли по домам. Пусть сами разбираются. Ты идешь, Серега? Пошли, пошли отсюда... В другой раз поиграешь в свой баскет. Не убьют девки твою Барби. Ну, поставят пару синяков — ей на пользу будет.

Петр Иванович приобнял Сергея за плечи и повлек за собой. Сергей нерешительно сделал пару шагов, но все-таки остановился. Обстановка на площадке накалялась. Наташку девицы уже стащили с тренажера, швырнули ей в лицо ее же куртку.

— Вали отсюда, козьявка, быстро...

Наташка, замешкавшись, испуганно оглянулась на подругу. Надя стояла, низко опустив голову.

— Кому сказано, вали, быстро! А ну, бегом!

Наташка попятилась, все еще не решаясь уйти.

— Бегом, говорю, быстро!

Девчонка только хлюпнула носом и побежала.

Петр Иванович с Никиткой были уже достаточно далеко.

— Серега! Не будь идиотом! Пошли! — услышал он насмешливый окрик.

Петр Иванович и Никитка завернули за угол и исчезли.

Сергей все стоял и смотрел, не в силах шевельнуться, машинально прижимая к себе свой мяч, который так и держал под мышкой. Ноги у него стали свинцовыми, он словно прирос к земле.

О чем шел разговор возле тренажеров он не слышал, но и Надю он уже почти не видел. Крупные девушки окружили ее вплотную. Ее о чем-то спрашивали, она почти неслышно отвечала. И вдруг Сергей увидел, что в ее волосы, взлохмаченные тренировкой, вцепились чьи-то жесткие, твердые пальцы. Она попыталась освободиться, и тут же получила удар в спину, ее сбили с ног, повалили и начали бить ногами. Надя закрывала лицо, но попадало и по лицу. Били ее две самые здоровые девицы. Третья, сжавшись в комок, в ужасе стояла рядом.

— Ты что стоишь? — Кто-то сильно пнул его в спину и пролетел мимо него к свалке у тренажеров.

Мяч выскочил из-под руки, запрыгал у его ног и укатился куда-то под скамейки. Сергей только тут разглядел Веньку. Откуда он взялся, непонятно, он ворвался на площадку как вихрь и стал оттаскивать озверевших драчуний, расталкивая, пытаясь помочь Наде.

Очнувшись от неожиданности, девицы стали драться и с ним по-настоящему: в ход были пущены не только кулаки, но и острые ногти. И только тут Сергей бросился к нему на помощь. Венька был тщедушным и хилым. Но Сергей мог помериться силой с самой здоровой из этих девиц. Те царапались, визжали, матерились. Парни работали локтями и кулаками, молча, как и подобает настоящим бойцам. Они все-таки оттеснили их от Нади, скорчившейся на твердом покрытии площадки. Венька крикнул ей через плечо:

— Беги, Надька, беги...

Девочка не сразу встала на ноги, ее сильно избили. Лицо ее было в песке, из носа текла кровь. Оторванный рукав спортивного джемпера болтался на груди. Она была так испугана, что даже не плакала. Но все-таки собралась с силами и, закрыв рукой разбитый нос, прихрамывая, покинула поле битвы. Пока Сергей сражался с самой сильной «воительницей», Венька отбивался от двух других. Третья девица, растерявшаяся поначалу, когда Надя была уже далеко, тоже вмешалась в драку с мальчишками и теперь махала кулаками не хуже других. К счастью, нападавшие скоро остыли.

— Фуфло! Фуфло вы оба! — отряхиваясь, наконец сказала самая крупная из них. — С вами Кореньков побеседует. Ждите...

Венька вытирал платком расквашенный нос.

— Пошел он ваш Кореньков, знаешь куда?!

Наконец бойцы разошлись в разные стороны. Сергей заметил на скамейке Надину куртку, вернулся за ней. Про укатившийся куда-то мяч он даже не вспомнил. Венька ушел не оглядываясь. На улице уже давно сгустились сумерки, и в свете электрических фонарей раны, полученные в сражении, были почти незаметны.

— Ты откуда взялся? — Сергей догнал его, пошел рядом.

— За хлебом послали. Отец пришел с работы, а дома хлеба нет. Но мне на тебя смотреть противно. Ты ведь стоял и смотрел...

— Венька, ты меня знаешь, я не трус.

— Ты не трус. Ты предатель! — изрек Вениамин и резко свернул в переулок к своему дому.

Увидев внука в прихожей, я ахнула. Видок у него был тот еще: с ног до головы он был то ли в песке, то ли в грязи. Лицо расцарапано больше, чем после дрессировки Кузи, нос распух, а под глазом была приличная ссадина. В руках он держал девчоночью куртку, что было вообще непонятно.

— То, что ты подрался, вижу... — сделала вывод я. — Но чья это куртка? Ты кого-то ограбил?

— Куртка Надькина... Я, кажется, потерял свой мяч. Ба, пожалуйста... Ни о чем не спрашивай, ладно? И без того тошно...

Я только вздохнула, поняв, что сейчас все расспросы бессмысленны и бестактны.

Сергей повесил куртку Нади на вешалку и отправился в ванную. Он долго там отмокал и отмывался, вышел переодетый, чистый и прошмыгнул в свою комнату, бросив мне на ходу:

— Ты не жди меня, баб... Я ужинать не буду. Иди отдыхай. Если фингал за ночь не рассосется, я завтра в школу не пойду.

Я, конечно, поняла, что с моим внуком случилось нечто серьезное, но именно по этой причине приставать с расспросами не стала. Думаю, расскажет сам, когда немного остынет. Немного почитав на ночь, выключила бра и тут услышала какие-то странные звуки. Они доносились из комнаты Сергея — то ли какое-то мяуканье, то ли подвывание. Накинув халат, я пошла к нему и распахнула дверь не постучавшись.

При свете уличных фонарей, пробивающихся сквозь неплотно задернутые шторы, я увидела в постели скорченную долговязую фигуру Сережи. Отвернувшись к стене и спрятавшись под одеяло с головой, он рыдал, подвивая и повизгивая совсем по-щенячьи.

Я пошла в кухню и согрела чайник. Налила в кружку не слишком горячего чая. Положила в него ложку меда и, поставив кружку на тарелку, вернулась в его комнату. Сергей ничего не слышал, он продолжал жалобно всхлипывать и подвивать, спрятавшись под одеялом.

Я присела на край его постели.

— Сережа...

Он, словно ждал меня, тут же повернулся и замолчал. Но лицо прикрыл острым локтем.

— Сережа, я тебе чаю принесла... Выпей.

Он послушно сел. Все так же жалобно всхлипывая, взял в руки кружку с чаем.

Я молчала, ожидая, когда он выпьет чай до конца. Когда он протянул мне пустую кружку, я поставила ее на стол. Внук, кажется, успокоился, лежал на спине тихий-тихий и бессмысленным взглядом смотрел в потолок. Мне стало его очень жалко.

— Сережа... — сказала я, как можно ласковее. — Мы с тобой — родные люди. Что бы ни случилось... Может быть, ты мне расскажешь, что произошло? Я думаю, тебе станет легче...

Он еще полежал немного, а потом вдруг рассказал все. Уложился в несколько предложений. И перестал всхлипывать и подвывать.

— Ты понимаешь, баб... Я не знаю, что со мной произошло... Я не понимаю, почему я послушался Петра Ивановича и не ввязался в драку. Ведь я очень за Надьку испугался... Ладно, ничего не говори, я сам все понимаю: это опять «стадное чувство», как ты его называешь... И получилось, что Венька совершенно прав... Я Веньку, может быть, единственного в классе уважаю — он принципиальный и никого не боится...

Сергей замолчал.

— И что сказал Вениамин?

— Он сказал, что я предатель. Ты не можешь себе представить, как он это сказал... И это правда. Я предатель...

Я не знала, что ему сказать. Это был серьезный мужской разговор, а я только старая женщина. Мы долго молчали.

— Скоро вернутся из Африки родители. Я думаю, обо всем этом ты должен обязательно поговорить с отцом. Не только про эту драку, но и про курение тоже...

— Я тоже об этом думаю. Только... Я боюсь, что у меня не хватит смелости.

— Должно хватить. Иначе ты останешься предателем на всю жизнь...

И, меняя тему, спросила:

— А почему у тебя Надина куртка?

— Она ее бросила на площадке. Надо отдать. Только вот с такой расквашенной физиономией в гости не заявишься.

Я зажгла люстру и внимательно осмотрела лицо внука. В общем, кроме глубоких царапин и большого синяка под глазом, ничего страшного.

— Подожди-ка... Я в холодильнике у папы видела кое-что из нужного нам...

Около получаса мы поработали над его лицом. Сергей совсем успокоился. Только бы эта моральная встряска пошла ему на пользу!

Выключив свет и выходя из комнаты, я спросила его:

— А тебе Надя нравится?

Он ответил не сразу.

— Раньше очень нравилась, а теперь даже не знаю...

Утром, внимательно изучив в зеркале свою физиономию, Сергей спросил:

— Ну что, баб, идти мне в школу или нет?

— Это тебе решать. Я бы пошла... Принципиально.

— Интересно, Венька придет или нет? У него морда разукрашена еще хуже моей... Ведь издеваться будут. Петр Иванович первый начнет...

— Насмешки надо всегда игнорировать. Но если их боишься — сиди дома.

В это время раздался звонок его телефона. Он удивленно пожал плечами: кто бы это мог быть? Взглянул на дисплей и обрадовался — Венька! Быстро рванул в свою комнату и закрыл дверь. Бабушка не обиделась.

Сергей вышел через пару минут и быстро начал обуваться.

— Я иду, бабуля! Иду! И Венька тоже идет. Мы пойдем в таком виде назло Петру Ивановичу. Вениамин, конечно, на меня злится, но сказал, что все равно считает меня своим другом, и что мы в школе обо всем поговорим... Сказал, что серьезный разговор будет... Но я не боюсь, баб, ты понимаешь? Если Венька мой друг, то я не боюсь никаких серьезных разговоров.

Мальчишки встретились в условленном месте недалеко от школы.

Сергей сразу спросил:

— Ты Надежде звонил?

— Нет. И тебе не советую. Она не будет разговаривать с нами, вот увидишь...

— Мне надо ей куртку отдать...

— Отдай Наташке. Она передаст...

— Я должен сам...

Венька искоса взглянул на друга.

— Ну, это другое дело. Но не сегодня же. Если у нас с тобой такие рожи, то у нее в десять раз хуже. Она тебя на порог не пустит. Надо переждать несколько дней.

— Может быть, вместе сходим?

— Ну уж нет... Слушай, Серега... Чтобы поставит точки над «и». Я на тебя очень злюсь. И ты прекрасно понимаешь почему. И, может быть, я сегодня даже разговаривать с тобой не стал бы. Но мне пришлось объясняться с родителями по поводу разукрашенной физиономии. Я никогда не вру и рассказал им правду. И про тебя тоже. Сказал, что мой друг оказался предателем. А папа мне на это знаешь что ответил? Он сказал, что если я тебя считаю своим другом, то я должен тебя простить. Хотя бы на первый раз. Простить и забыть о случившемся навсегда. Я стараюсь забыть, хотя это очень трудно. Ты понял?

Сергей молчал, не зная, что ответить. Венька посмотрел на него и сжалился.

— Все, Серега, закрыли тему. Больше об этом случае ни слова. Пошли, а то опоздаем.

И они твердым шагом направились на уроки. Конечно, вид у обоих был весьма примечательным, и ребята были готовы и к насмешкам, и к глупым вопросам. Но в школе явно что-то произошло. Гардеробщица, не обращая внимания на детей, устроивших потасовку под вешалками, о чем-то шепталась с уборщицей, забывшей про ведро и швабру. Две учительницы младших классов что-то горячо обсуждали в углу вестибюля, пока их подопечные гонялись друг за другом по всей раздевалке... В общем, происходило что-то странное.

Мальчишки переглянулись, пожалы плечами и пошли в кабинет истории, с которой начинались занятия.

Но и здесь творилось что-то невообразимое. В углу кабинета, припертый к стене одноклассниками, лепетал что-то нечленораздельное Никитка Семенов. Ребята наседали, а он хлопал бесцветными ресницами и только повторял, как попугай:

— Не знаю я ничего! Сколько можно повторять — не знаю!

Венька выгасил Наташку за рукав из толпы. Повернул к себе. Сергей уже стоял рядом. Взглянув на них, она всплеснула руками.

— Ну и отделали же вас, парни! Почти как Надьку...

— Как она?

— Кошмар! На лице живого места нет. Как только эти красотки меня поперли с площадки, я к Надькиным родителям побежала. Они не сразу даже поняли, в

чем дело. А как поняли, отец к двери бросился в чем был... У матери истерика началась... Он на нее заорал, велел дома сидеть. Мы с ним к лифту. А из него Надежда выползает, вся физиономия в крови...

— Все понятно, — оборвал Венька этот поток слов. — Что тут происходит? Чего вы к Никитке привязались? А где Петр Иванович?

— Ой, в том и дело! Никто не знает, куда Петр Иванович подевался... Утром к Никитке его отец прибежал, говорит — исчез, дома не ночевал. Думал, он у него прячется... Ой, да вы же ничего не знаете!

— А что мы должны знать?

— Ну так Коренькова арестовали!

— Чего ты мелешь? — отмахнулся Сергей. — Когда? Петр Иванович с ним по телефону разговаривал при мне, еще драка не началась. Это он этих девок натравил на Надежду.

— Во дает! Ну так вот. Вечером он при тебе с Петькой по телефону разговаривал (она даже не заметила, как произнесла это «Петька»), а ночью его арестовали. За какие подвиги, никто толком не знает, кто что говорит. А Петр Иванович наш, наверное, так перепугался, что где-то спрятался.

Прозвенел звонок, и ребята стали шумно рассаживаться по местам.

Пожилая учительница истории изо всех сил старалась скрыть свое волнение. Усадив учеников, она слишком долго изучала раскрытый журнал в поисках жертвы для вызова к доске. Потом подняла глаза и всплеснула руками, увидев физиономии двух друзей, сидящих рядом в среднем ряду.

— Попов, Измайлов, вы что — подрались?! Вы ведь были такими друзьями!

Мальчишки молчали, опустив глаза. Учительница только головой покачала.

— Раньше только девчонки царапались, а теперь и мальчишки не стесняются когти в ход пускать.

Одноклассники были слишком взволнованы сегодняшними событиями. На ее реплику класс ответил полным молчанием.

— Ладно. Смирнова, иди к доске. Расскажи нам о реформах Павла Первого.

В школе подошла к концу не только последняя четверть, но и учебный год. Учителя подводили итоги. Обсуждали отметки за контрольные работы.

Математичка, раскрыв журнал, сначала похвалила отличников и хорошистов, среди которых были Сергей и Вениамин. Взглянув на них, она только фыркнула и усмехнулась, но ничего не сказала. Потом поискала глазами Надежду.

— А где у нас Андреева, интересно? Она уже окончила обучение в этом году?

— Она заболела, — пискнула с места Наталья.

— Ну что ж. Передай своей подружке, что тройку в четверти я с грехом пополам ей вытянула. Но буду серьезно разговаривать с ее родителями. Если летом они не сумеют привести ее мозги в порядок, она не только аттестат зрелости не получит, но и восемь классов вряд ли сумеет одолеть.

На секунду учительница задумалась и, оглядев класс, спросила:

— Ну так все-таки, кто за нее ту самую самостоятельную перед Новым годом написал, а? Ведь голова у этого человека работает, ничего не скажешь...

Ребята, ухмыляясь, молчали.

— Конечно, вы все равно не признаетесь. Но Андреевой мои слова передайте. Впрочем, у нас на следующей неделе будет итоговое родительское собрание. Если ее родители нас осчастливят своим присутствием, то я сама им все скажу.

Этот день тянулся бесконечно долго. К счастью, последним был урок литературы, который вела классный руководитель Ольга Васильевна. Она слишком хорошо знала своих ребят, которых опекала уже третий год. Она понимала, что сегодня заставить их думать о чем-то, кроме ареста Коренькова и

исчезновения Петра Иваныча, будет невозможно, поэтому, выйдя на середину класса, объявила:

— Итак, слушайте, мои любезные. За что арестовали Коренькова — неизвестно. Он сидит в КПЗ и никакого обвинения ему пока не предъявлено. Он несовершеннолетний, поэтому с ним будут разбираться соответствующим образом. Но вы прекрасно знаете, что в полиции он человек известный. Петр Носков, ваш любимый Петр Иваныч, нашелся.

— Ура! — понеслось по классу.

— Ну, с «ура!» я бы не торопилась. Он сам пришел в полицию. Видимо, голова у него все-таки работает. Сейчас сидит у родителя в квартире под замком, без телефона и с заблокированным компьютером. Думаю, что его паническое бегство было преждевременным. Поскольку вы сегодня неспособны заниматься изучением литературы, я отпускаю всех домой, за исключением Попова и Измайлова.

Теперь «ура» прозвучало ликующе. Ребята сорвались с мест и рванули к дверям. Впрочем, им было любопытно, почему Ольга Васильевна оставила этих двоих. Наталья быстро поняла, что к чему.

— Может быть, мне тоже остаться? Я ведь тоже там была, на тренажерной площадке...

— Ступай-ступай, — отмахнулась от нее Ольга Васильевна.

Когда класс опустел, она подошла к столу мальчиков и присела за соседний.

— Я в курсе всего, что произошло вчера на площадке. Утром в школу приходила мать Надежды и обо всем рассказала и мне, и администрации. Отец Нади пошел по инстанциям. У вас с этими девочками не было никаких конфликтов?

— Я их только в столовой встречал, — пожал плечами Сергей.

— А я вообще ничего не могу вспомнить. Так, знакомые физиономии, как все в школе...

— Ладно, ребята, вы поступили как мужчины, вас можно уважать. Царапины заживут, очень хорошо, что вы не побоялись прийти сегодня в школу. Надю поддержите, ей труднее, чем вам. Что касается этих девочек, там будут серьезные последствия. Вряд ли они останутся в нашей школе. Но прежде мы их непременно пригласим на наше классное собрание, которое всегда проводим в конце года вместе с родителями. А уж придут они или нет, это будет зависеть от них и от их родителей.

Ольга Васильевна ушла.

— Слушай, Серега, — вдруг сказал Вениамин. — У нас в четверг в Доме техники городской конкурс будет. Я двух своих роботов буду показывать. Хочешь пойти?

— Очень хочу! И вообще, я давно тебя хотел попросить... Ты можешь меня в свою секцию по роботостроению устроить?

— Запросто! Это Детский центр по робототехнике. Ты даже себе представить не можешь, как это интересно. Вот придешь на конкурс, я тебя с нашим руководителем познакомлю. Он такой классный мужик! Известный ученый, а с нами возится, находит время.

Направляясь к дверям, Сергей сказал:

— Венька, слушай, ты приходи ко мне домой, если захочешь. Чего мы только в школе встречаемся? Сейчас я с бабушкой живу, но она человек такой интересный, генеалогическим деревом... деревом то есть, занимается, раскопки в архивах проводит. А родители через месяц вернутся — они у меня замечательные люди: папа — эпидемиолог, его работы во многих странах знают, а мама — специалист по африканским языкам — очень редкая специальность — и вообще полиглот. Приходи! В африканские шахматы поиграем.

— И ты приходи ко мне тоже, правда, в мою комнату войти трудно — кругом всякие детали от роботов разложены. Ладно, Серега, я побежал. У меня сегодня дел невпроворот.

Они пожалели друг другу руки на прощанье. Венька убежал. Сергей сложил свои вещи в рюкзак и вышел в школьный коридор.

Но за дверью его ждал сюрприз: незнакомый малыш то ли из первого, то ли из второго класса встал прямо перед ним, прижимая к груди его любимый мяч. Тот самый мяч, который он потерял на спортивной площадке. Он так жалел о нем!

— На! — сказал его неожиданный благодетель.

— Откуда он у тебя? — удивился Сережа, принимая мяч.

— Мы с мамой за вашей дракой с этими... ну, ты знаешь... Мы с мамой в окно смотрели. Мы в том доме живем, что прямо над игровой площадкой, на втором этаже. Мама даже хотела в полицию звонить. Только вы драться перестали и разошлись. Ты куртку-то той девчонки взял, а про мячик забыл. Он так и остался лежать под скамейкой. Я маму попросил, чтобы она за ним сходила. Она и сходила.

— Ну скажи спасибо своей маме. Тебя как зовут?

— Юрик. Я во втором «А» учусь. Это я тогда телефон потерял, а ты его в моей куртке нашел. Помнишь?

Сергей засмеялся.

— Это когда твоя мама пообещала тебя убить за потерянный аппарат?

— Ага, но ты не думай, у меня мама самая лучшая. Я знаю, — сказал малыш, — тебя Серегой зовут. Ты здорово мячик в кольцо бросаешь. Я всегда за вами в окно наблюдаю, когда вы в баскетбол играете.

— Ты вот что, Юрик, когда меня на площадке увидишь, выходи. Я тебя поучу мячик в кольцо забрасывать.

Когда по моей просьбе внук пылесосил пол в гостиной, раздался звонок домофона.

— Сережа!

Он выключил пылесос и вопросительно посмотрел на меня. Домофон упорно звонил. Я сняла трубку:

— Кто?

— Извините, — мужской голос. — Я отец Нади Андреевой, одноклассницы Сергея. Я бы хотел с ним поговорить.

Сережка засуетился, убирая пылесос из гостиной. Я стояла у открытой двери.

— Пожалуйста, заходите. Раздевайтесь...

Он быстро повесил куртку на вешалку. Я протянула ему руку.

— Я бабушка Сергея. Родители сейчас в командировке.

— Надя говорила.

Мы прошли в гостиную. Сергей спрятал пылесос в кладовку и появился на пороге.

Теперь рука взрослого человека была протянута ему.

— Ты поступил как настоящий мужчина. Спасибо тебе за дочь.

Внук стал багровым. Не все бесследно проходит даже у подростков.

— Я был с другом. Один не справился бы с тремя.

— Я заходил к Вениамину тоже. Но его нет дома. Он занимается роботами?

— Да.

— А ты?

— Я, наверное, тоже буду.

Помолчали.

— Я хотел вместе с Надей приехать на машине. Но она сейчас невменяемая: закрылась в комнате, даже есть выходит, только когда в кухне никого нет. Очень переживает за свое лицо. Девчонка есть девчонка. Но я бы хотел, чтобы вы подружились. Он посидел еще немного. Поспрашивал о родителях, об увлечениях внука.

— Хотите чаю? — сглаживая неловкость, предложила я.

— Нет, спасибо. Я пойду.

Одеваясь в прихожей, он только сейчас заметил на вешалке Надину куртку.

— Это куртка Надежды? Ты даже куртку спас?

— Да, Надя ее оставила на скамейке, я хотел отнести через несколько дней, когда...

— Он стеснялся появляться у вас с расцарапанной физиономией, — пояснила я. — И думал, что Надя не станет с ним разговаривать по той же причине.

Отец Надежды забрал куртку дочери и ушел. Я взглянула на Сережу. Он довольнo улыбался.

Школьная эпопея с дракой не прошла бесследно. На следующей неделе после побоища было родительское собрание вместе с детьми.

Когда все наконец собрались и расселись (родители рядом со своими детьми), я исподтишка посмотрела по сторонам. По рассказам Сергея, узнала почти всех его одноклассников. И Петра Ивановича в том числе. Обыкновенный мальчишка, ничем не отличающийся от других. Вообще-то сегодня он выглядел каким-то понишим и растерянным. С обеих сторон от него сидели родители. Отец — в форме капитана полиции, крупный, сильный, сосредоточенный. Мать Петра — весьма миловидная женщина.

Она исподтишка поглядывала то на бывшего мужа, то на сына. И Наташу Смирнову я узнала, и Никиту — верного оруженосца Петра. Какими теперь будут их отношения?

— Все устроились? — спросила Ольга Васильевна. — Прежде чем обсуждать достижения наших детей, скажем лучше — наших учеников, за прошедший учебный год, нам нужно кое-кого выслушать.

Ольга Васильевна распахнула дверь класса и произнесла как-то подчеркнуто нейтрально:

— Входите.

В открытую настежь дверь в класс вошли три девочки, как я сразу поняла, те самые, которые устроили драку, и следом за ними их мамы, весьма взвинченные и ничуть не смущенные.

Общее собрание седьмого «Б» зашевелилось, заворчал. Я видела, что Сергей покосился на Надежду. Она сидела с каменным лицом и, не опуская глаз, смотрела на старшеклассниц. Следы царапин и синяков еще были заметны на ее лице. Отец, сидевший рядом, приобнял ее за плечи. Она осторожно освободилась от его руки. Мне она понравилась.

Вслед за этой делегацией в классе появились завуч и директор школы. Впрочем, в отличие от меня, многие родители были явно знакомы с ними.

— Ну и что мы молчим? — многозначительно произнесла директор школы, обращаясь к девушкам. — Вы зачем сюда пришли?

Одна из виновных неожиданно заплакала.

— Ладно, Надежда, — начала самая крупная из старшеклассниц, видимо, основная зачинщица побоища. — Ты прости, мы дуры...

— Ты про себя говори! — оборвала ее одна из мамаш, стоявшая за ее спиной. Говорившая быстро оглянулась на нее.

— Хорошо. Я про себя говорю. Я дура. Я самая большая дура из нас, трех дур.

— Не выпендривайся! — прошипела за ее спиной, видимо, мать.

— А я и не выпендриваюсь. Прошу прощения у Надежды. А что еще говорить, я не знаю.

— Ладно, — подхватила инициативу завуч. — Что ты скажешь, Петрова?

Она обратилась к той девочке, которая уже не сдерживала слез и готова была разреветься во весь голос.

— Я виновата, Надька, прости меня, — вскрикнула она. — Это все Кореньков, он Алинку натравил на тебя, она нас. Но я тебя не била. Честное слово. Я просто стояла рядом. Алинка очень злая, сильная, как мужик. Она не только тебя, она кого угодно прибьет, я боюсь ее, при всех говорю! Я только потом с мальчишками начала драться, это правда. Но тебя я пальцем не тронула, клянусь! Я просто стояла.

— Предательница! — выкрикнула одна из девочек.

Я быстро взглянула на Сергея, сидевшего рядом.

— Стадное чувство, — едва слышно прошептал он, покосившись на меня.

Надя поднялась со своего места и сказала твердо и достаточно громко, чтобы все ее услышали:

— Мне от вас не нужно никаких извинений... Пожалуйста, Ольга Васильевна, пусть они уйдут отсюда.

Тут уж заголосили все три мамы, стоявшие перед классом. Что они кричали, кого и в чем обвиняли, трудно было понять. Мне показалось, что они сейчас вцепятся друг другу в волосы. С ними все было понятно. Я мысленно пожалела их дочерей, представив, какими они вырастут рядом с такими матерями.

— Может, хватит? — выкрикнула одна из них, обращаясь к администраторам школы. — Устроили тут суд Линча...

Наконец шумная компания покинула класс. Напоследок я услышала, как директор школы пригласила всех в свой кабинет для продолжения разговора.

Ольга Васильевна перевела дух и, не сразу собравшись с мыслями, начала итоговое классное собрание.

Итак, учебный год благополучно закончился. Жизнь Сергея несколько переменялась.

Во-первых, мы оба с нетерпением ждали возвращения его родителей. А во-вторых, что меня безусловно радовало, он стал пропадать в Доме техники в секции роботостроения, куда его привел Вениамин. Занятия с роботами продолжались и у него дома, и Сергей частенько засиживался в гостях допоздна.

Венька тоже стал часто бывать у нас. Он мне нравился. На последнем родительском собрании он познакомил меня со своими родителями — инженерами, приветливыми и доброжелательными людьми. Надеюсь, они найдут общий язык и с родителями моего внука.

— Бабуль, — подошел он ко мне, когда я особенно глубоко погрузилась в компьютер со своими архивными делами. — Ты каким нашим предком сейчас занимаешься?

— Самым близким, — вздохнула я, — своим отцом. Твоим прадедом.

— Ну так это, наверное, проще всего!

— Представь себе, оказалось, что труднее всего. Очень сложная история.

— Я знаю, что он был большим ученым и занимался радарными в каком-то НИИ. Мне папа рассказывал.

— Отец никогда дома не говорил о работе. Мама при мне никогда ему никаких вопросов не задавала. Я знаю, что они познакомились на Карельском фронте, где мама была радисткой. Но об этом фронте почему-то мало что известно. Вот я сейчас и копаюсь в истории Отечественной войны, пытаюсь хоть немного войти

в курс дела. Подготовлюсь немного и пойду в архив, подам очередную заявку на поиск документов.

— Баб, ты меня не отодвигай. Может быть, я тоже могу что-нибудь поискать.

— Вряд ли, Сережа. К сожалению, ты пока об Отечественной войне слишком мало знаешь. Но ты мне обещал привести в порядок те документы, которые уже подготовлены и отредактированы.

— Ну так давай. Я запросто!

— Я сейчас их сброшу на твой компьютер, и ты начинай печатать. Согласен?

— Конечно! А про Карельский фронт я тоже что-нибудь поищу. Может быть, мне повезет больше, чем тебе.

Наивный мальчик, как будто это так просто...

Итак, мой отец. Папа, а что я о нем знаю? Очень мало. Родом из Хабаровска. Но химико-технологический факультет окончил в Томском технологическом институте. Кажется, в этом городе было много родни. Но, судя по всему, только в этом сибирском вузе он мог получить ту специальность, которую хотел.

В годы первых пятилеток государство остро нуждалось в преподавательских и научных кадрах. Начался массовый прием в аспирантуру. Очевидно, в Томске не было аспирантуры по той специальности, которую выбрал мой отец, и он приехал в Ленинград. В каком вузе он защищал диссертацию и на какой кафедре потом преподавал, я не знаю. По молодости лет подробности биографии моих родителей меня не интересовали.

Именно из этого вуза отец был направлен на Карельский фронт. Во время войны штатные расписания многих высших учебных заведений Ленинграда исчезли бесследно, возможно сгорели в топках буржук. Пока что мои поиски ни к чему не привели. Но, если позволит здоровье, я непременно съезжу в Петербург, где мы с Сашей бывали не однажды. Погуляю по городу, по музеям и обязательно поищу следы отца в местных архивах. А пока займусь вплотную поисками его следов на войне.

Я засиделась в архиве. Читала и читала самые разные документы о боях на Карельском фронте. Искала хоть какие-то ссылки на связистов, к которым, видимо, принадлежал мой отец. Жизнь прожила и не перестаю удивляться, как мало я знаю. Казалось бы, Отечественная война совсем рядом, а найти нужные документы просто невозможно.

Кроме меня в читальном зале архива был только один мужчина. Он сидел где-то позади и пришел сюда, видимо, намного раньше меня: весь его стол был завален тяжелыми папками с какими-то пожелтевшими документами.

Я посмотрела на большие настенные часы — пора было заканчивать, сейчас будет звонок. Он прозвенел, я собрала свои папки, сдала хранителю, которая расписалась в моем пропуске. Мужчина сдавал документы второму архивариусу. К выходу мы подошли одновременно. Я бросила на него случайный взгляд — где-то я видела этого человека. Наверное, здесь же и встречала. Он распахнул передо мной дверь вестибюля и попридержал ее, пока я выходила. Тут мы встретились с ним взглядами, и он улыбнулся.

— Вы не узнаете меня? Ведь вы бабушка Сережи Попова?

Теперь и я его узнала: это был отец Нади, одноклассницы Сергея.

— Я и прежде вас здесь несколько раз видел. Вы занимаетесь какой-то научной работой?

— Не совсем. Это моя личная история. Я ищу военные следы своего отца.

— Очень интересно. Простите, я забыл ваше имя-отчество.

— Надежда Федоровна. Я ведь ваше тоже не помню.

— Меня зовут Олег. Без отчества. Надежда Федоровна, я на машине... Если хотите, я вас доставлю прямо к подъезду.

Я, конечно, этого хотела. Дорога до архива и обратно занимала немало времени. Когда мы плавно тронулись с места, он продолжил начатый разговор.

— Ну а я историк. Защищаю диссертацию через три месяца. Работы еще непочатый край. И я тоже занимаюсь Отечественной войной. Вас какой фронт интересует?

— Карельский.

— А я копаю архивы Ленинградского фронта. Но эти два фронта очень крепко связаны. Кем был ваш отец?

— Он до войны был сотрудником закрытого НИИ. Насколько я знаю, занимался радарными. Видимо, и на войне имел к этому отношение.

Олег задумался.

— Радары в моем поле зрения не появлялись, хотя можно кое-что специально поискать...

— Ну что вы! — смутилась я. — Я слишком уважаю чужое время, тем более сейчас, когда диссертация на носу.

Мы подъехали к моему дому.

— Мы вот что сделаем, — продолжил он свою мысль. — Я примерно представляю, где можно поискать вашего отца. Я посмотрю в своих анналах и дня через три вам позвоню. Вы пришлите Сережу, и я скачаю ему нужный материал на флешку.

Он вышел из машины, обошел ее кругом и распахнул мою дверцу.

— Мне неудобно вас нагружать, Олег...

— Вы меня не нагружаете. Я сам предложил вам помочь. И, кстати, имейте в виду, что всего несколько месяцев назад были рассекречены многие документы по Ленинградскому и, думаю, Карельскому фронтам. Поищите в Интернете...

Я еще раз поблагодарила своего доброго помощника и поспешила домой. Чуть ли не вприпрыжку.

До приезда родителей оставалось несколько дней, и Сергей изнывал от ожидания. Конечно, он соскучился. К тому же в его жизни за эти полгода столько всего произошло — и хорошего, и не очень, о чем он непременно должен был рассказать родителям. Сережа привык и привязался к бабушке, несмотря на ее иногда весьма ироничный тон. Он его даже пытался перенять в разговорах. Ему нравилось перебрасываться с ней забавными колкостями и замечаниями.

Сейчас он спешил, думая о своем, быстро шагал к дому Нади. Несколько минут назад позвонил ее отец, сказал, что нашел для бабушки кое-какие документы, которые ее интересуют, и сбросил их на флешку. Сергей должен был забрать ее, чтобы передать бабушке. Она рассказала ему о встрече в архиве, он тогда очень удивился: вот ведь какие бывают в жизни совпадения!

Сережа так увлекся своими мыслями, что чуть не упал, споткнувшись о подставленную кем-то ногу.

— И куда это ты так мчишься? — услышал он знакомый голос.

Поднял голову. Перед ним стояли Петр Иванович с неизменным своим оруженосцем Никитой.

— А, Петр Иванович, привет!

Но его одноклассник неожиданно нахмурился.

— Ты того, Серега, не зови меня больше так. Отец услышит, мне мало не будет. — И еще я тебе вот что скажу... Ты всегда все правильно понимаешь... — Сергею это явно польстило, он вопросительно посмотрел на Петра. — В общем, к нам с матерью отец вернулся. Пять лет отдельно жил, квартиру снимал. А теперь

вдруг вернулся. Говорит, не хочет, чтобы я по подворотням болтался, боится, что я вслед за Кореньковым в колонию попаду.

— Так он в колонии? — переспросил Сергей.

— А кто его знает! — вмешался в разговор Никитка. — Он же несовершеннолетний... Мать его молчит как партизан, даже Петру ничего не говорит.

— Не об том речь. Я не про Коренькова говорю, а про себя. Знаешь, как мне от отца влетело после того собрания! Ну что за Барби не вступился. Он говорит, что вы с Венькой настоящие мужики, а я так, фуфлю. Честно, я не сразу с ним согласился. Но теперь иногда думаю, что, может быть, он и прав. Батя за меня крепко взялся, ничего не скажешь.

Сергей промолчал.

— Ты не думай: он у меня вообще классный мужик, веселый, юморной. Как начнет байки про полицию рассказывать — обхохочешься. Конечно, он на меня злится, когда я слишком его достаю, ты не думай.

— Я и не думаю ничего такого.

— Он заставил мать уволиться из консьержек. Говорит, одного дежурящего по ночам нам хватит. Обещал ей работу подходящую найти, дневную.

Сергей смотрел на Петра с удивлением. Он впервые видел его таким радостным, захлебывающимся словами.

— Я хотел спросить: в какую спортивную секцию мне лучше записаться? Если я спортом не буду заниматься, отец меня придушит точно.

— Ну, не знаю, — пожал плечами Сергей. — Ты ведь в футбол хорошо мо- таешься. Только надо такой клуб найти, чтобы взяли. По возрасту ты уже все спортшколы перерос. Может, легкой атлетикой еще не поздно заняться. Ты по- смотри в Интернете, где у нас тут спортклубы есть поблизости.

— Да не шибко я дружу с твоим Интернетом. Может быть, сможешь найти, куда мне пристроиться?

— Ну, давай. Приходи ко мне завтра утром, поищем вместе. Только учти: это ведь тренировки три раза в неделю, и пропускать нельзя.

— Ладно, справлюсь. Не маленький.

— А мне? А мне тоже можно прийти? Я бы с Петром Ивановичем, тьфу, с Петром с удовольствием в секцию ходил.

— Ну, мне только тебя там и не хватало, — отмахнулся тот.

— Оба ко мне приходите. Ладно, пацаны. Я спешу, меня ждут.

Как и положено, мальчишки попрощались за руку, и Сергей торопливо по- шагал дальше.

— Кто там? — услышал он знакомый голос по домофону.

Сережа вдруг заволновался.

— Это я, Серега.

Надя ждала его в дверях квартиры. Они поздоровались, и тут из глубины ком- наты послышался мужской голос:

— Иди сюда, Сережа...

Сергей осторожно переступил порог домашнего кабинета. Отец Нади вытащил флешку из компьютера, протянул ему.

— Скажешь бабушке, что я тут выбрал интересные факты о Карельском фронте. Специалистами по радарам тоже интересовался, но пока никаких данных ни о людях, ни о радарах не нашел. Мне кажется, на Карельском фронте их вряд ли использовали. Поищите твоего прадеда по каким-нибудь родственным специальностям, может быть, среди офицеров связи. Бабушка говорила, что у него есть фронтовые награды. Вот здесь три сайта с новыми рассекреченными списками награжденных во время войны.

Он вырвал из блокнота листок с записями и передал Сергею.

— Спасибо.

— Надя! — Надежда появилась в дверях кабинета. — Угости-ка Сережу нашим тортом, — и пояснил гостю: — Наша мама в командировке, завтра приедет. Она нас с дочкой по поводу сладкого в черном теле держит, ну а когда ее нет, мы с ней отрываемся по полной.

— А ты, папа?

— Я потом. Работы много.

В кухне, включив чайник, Надежда спросила:

— А твои когда прилетают?

— Через три дня. Потом сразу на дачу поедем. У нас дача еще дедушкина. На самом берегу озера. И лодка, и катер есть. Папа обожает рыбу ловить.

— А ты?

— Я нет. Скучно... Сидишь как пень с удочкой...

Надя в первый раз улыбнулась.

— Это смешно — «пень с удочкой».

Чайник вскипел. Надя разлила чай в красивые чашки и поставила перед Сергеем большую коробку с тортом, от которого осталось меньше половины.

— Бери.

Сережа не заставил себя долго упрашивать.

— А мы все лето в городе будем. У папы диссертация на носу, у мамы срочных заказов много — она не хочет клиентов терять. Ну а я буду математикой заниматься.

— Математикой?! — удивился Сергей.

— Вот именно. Ты же слышал, что наша математичка сказала? Она меня не аттестует — и все. Мне родители репетитора хорошего нашли... Надо же из болота когда-то выбираться. Я больше не хочу быть Барби и не хочу, чтобы некоторые называли меня дурой.

— Не бери в голову, — смутился Сергей. — Это я так...

— Все правильно, я действительно набитая дура. Ты думаешь, я этого не знаю? Просто плыла по течению — и все. Обленилась и совсем разучилась думать. Вот и начала тонуть. Мы с родителями решили сначала взяться за математику. Начну в ней что-нибудь соображать, тогда можно и к физике перейти. Потом — за химию. Я не собираюсь лезть в отличницы, но и дурой быть тоже не хочу, — еще раз повторила она, выразительно посмотрев на Сергея. Потом добавила: — Меня родители хотели в частную школу перевести.

— Не надо! — даже испугался Сергей. — Меня тоже когда-то хотели, а потом передумали. Я считаю, что правильно сделали. Ты никого не бойся. Мы тебя с Венькой в школу и из школы провожать будем...

— Спасибо, конечно... Только этого не надо. Я никого не боюсь. Знаешь, что мне папа сказал? Что у меня есть выбор: либо теперь всю жизнь всего на свете бояться и прятаться, либо все случившееся забыть навсегда. Забыть насовсем, как будто ничего не было. Я выбрала второе. Я хочу забыть об этой мерзкой истории. Ее не было. Понимаешь?

Сергей кивнул. Отец Вениamina тоже так сказал: надо забыть об этом случае навсегда.

— И в другую школу я переходить тоже не буду. Мы с родителями решили, что нет никакого смысла прыгать из одной школы в другую.

— Ну и правильно решили.

Эти последние дни перед приездом родителей тянулись бесконечно долго. Одноклассники разлетелись на лето кто куда. Никитка очередной раз направился

куда-то с родителями за границу, ну а Петр как-то позвонил и срывающимся от счастья голосом сообщил, что его все-таки приняли в спортшколу по легкой атлетике. Конечно, его отцу пришлось долго уговаривать тренера, но все-таки тот взял, правда, с испытательным сроком. Теперь Петька тренируется три раза в неделю, то ли бегают, то ли прыгает, Сережка так и не понял. Но вроде бы у него неплохо получается, даже в спортлагерь пообещали взять.

Венька уехал в Москву на какой-то конкурс по роботостроению, до которого Сергей еще не дорос. И он совсем заскучал. К тому же, как назло, испортилась погода, на улице хлестал дождь, из дома не выйти: ни на тренажерах не покачаться, ни на игровой площадке не побегать. Он волей-неволей сидел дома и никак не мог найти себе занятие.

Он давно уже напечатал все бабушкины бумаги. Оформил в красивые папки биографии каждого члена семейного генеалогического древа и аккуратно сложил стопкой. В последний день он вообще, кажется, достал бабушку. Сначала она послала его в магазин за хлебом и молоком. Потом еще раз за картошкой. Потом заставила эту самую картошку чистить. Он начистил целую кастрюлю. Читать не было никакой возможности, телевизор он никогда не смотрел и прежде, а сейчас только потыкал пультом один канал, другой — и выключил, не найдя ничего интересного.

Такси, чтобы ехать в аэропорт, было вызвано к нужному часу еще накануне. Он поминутно смотрел на часы: как медленно шло время. Сергей слонялся из угла в угол, пока бабушка, хлопотавшая на кухне над пирогом, не повысила голос:

— Сережа, прошу тебя, займись хоть чем-нибудь! Ты ведь так и не добрался до списков награжденных на Карельском фронте. Будь добр, возьми за них, такси придет только через четыре часа. Постарайся сосредоточиться.

Это было мучительно — стараться сосредоточиться. Но делать, правда, было нечего.

— Где записка Надиного отца с сайтами?

— Ты мне ее не давал.

— Да, я забыл...

Сергей даже испугался. Он и в самом деле про эту записку совсем забыл и стал лихорадочно соображать, куда ее засунул еще у Нади в квартире. Засунуть, собственно, было некуда, кроме как в один из карманов джинсов. Он начал исследовать карманы. Чем меньше оставалось непроверенных, тем тревожнее ему становилось — а вдруг потерял? Вот стыд-то будет! Придется извиняться, опять идти к Надежде. А бабушка завтра собралась уезжать к себе домой. Ему даже стало как-то нехорошо.

Но в последнем заднем кармане он все-таки нашел смятую бумажку с названиями нужных сайтов. Переведя с облегчением дух, Сергей уселся перед компьютером. Кузя тут же спрыгнул с дивана, на котором спал, и развалился на столе перед ним — он обожал лежать под включенным монитором. Так он, видимо, чувствовал себя в центре внимания.

На первом сайте Сережа не нашел ничего интересного. Ему и в самом деле удалось немного отвлечься от ожидания и сосредоточиться. Он открыл второй сайт и замер.

«Рассекречено в соответствии с приказом МО РФ «О рассекречивании архивных документов Красной армии и Военно-Морского Флота за период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов», — прочитал Сергей.

Для любого подростка такой заголовок был более чем интригующим. Это вступление так его потрясло, что он тут же впился взглядом в списки награжденных. Они были длинными, еще и не по алфавиту, как он ожидал, а по дате награждения.

Потом он нашел ссылку, что можно просто внести фамилию, имя и отчество, чтобы получить нужные данные о заслугах награжденного человека. Сергей ввел их и чуть было не закричал от восторга. Он увидел текст, который имел прямое отношение к его прадеду! Ура! Но он сдержался и решил пока не звать бабушку. Надо было сначала самому все прочитать. Это была особая анкета человека, представляемого к награде.

Прадед его на фронте не занимался радарам. Он был инженером радиосвязи. Сергей так разволновался, что даже прикрыл глаза, чтобы сосредоточиться, затем начал читать, перескакивая с фразы на фразу. Перечитал еще и еще раз, только после этого осознал написанное. В графе «Краткое изложение личного боевого подвига» о его прадеде было написано следующее:

«Руководит подготовкой радиотелеграфистов, обеспечивающих бесперебойную радиосвязь в условиях наступательных боевых действий. Выезжает в соединения... организует устойчивое управление при помощи радио в звене батальон — рота. Осуществляет постоянный и неослабный контроль за работой радиосетей армии, исключает возможность нарушения правил скрытого управления войсками. Обеспечивает скрытность сосредоточения войск. Их перегруппировки и осуществления замысла командования...»

Вывод: за отличное выполнение заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и достигнутые в результате этого успехи достоин награждения орденом Красной Звезды.

Начальник связи 23-й армии полковник...

20 июня 1944 года».

Сереза вскочил, сгреб развалившегося перед монитором кота в охапку и переселил его на диван. Кузя недовольно дернул хвостом, но сопротивляться не стал — ему совсем неплохо было и на диване. Сергей глубоко вздохнул и выскочил из комнаты.

Бабушка вынимала большой горячий пирог из духовки. Ароматные запахи распространялись по всей квартире. Она выпрямилась и только теперь увидела внука. Он стоял в дверях кухни — взволнованный и покрасневшийся. Она с удивлением посмотрела на него.

— Бабуля, я нашел!

— Что ты нашел?

— Я нашел твоего отца, своего прадеда.

Бабушка поняла и, чуть не уронив пирог на кухонный стол, закрыла его широким полотенцем и, хромая, поспешила за внуком в его комнату. Тяжело опустилась в кресло перед компьютером.

— Вот здесь, — показал Сергей. — Здесь читай.

Бабушка достала из кармана очки и впилась взглядом в монитор, даже зашевелила губами. Он внимательно следил за ее реакцией. И вдруг, неожиданно для себя, он посмотрел на свою бабушку другими глазами, так, словно увидел впервые. Она уже очень немолода, — бабушка, которая была в его жизни всегда. Глубокие морщины вокруг глаз и губ освещали яркие лучи солнца, заглянувшего наконец в окно. Рука, сжимавшая мышку компьютера, заметно подрагивала. Ровно подкрашенные волосы сильно поредели.

За эти полгода, которые они прожили вместе, бывали дни, когда бабушка плохо себя чувствовала, однажды даже сама себе вызвала скорую помощь, он тогда здорово напугался, но, к счастью, все обошлось.

Он следил, как внимательно она читала документы о своем отце. И вдруг подумал: а что он знает о своей бабушке? Ведь когда-то ей было столько же лет, сколько ему сейчас — с ума сойти! А скоро исполнится семьдесят — ужасно много!

Сергей, конечно, знал, что бабушка рано потеряла родителей и осталась совсем одна, без родного человека рядом. И о том, что она совсем молодой попала под машину, и что дедушка Саша ее спас, он тоже знал. Но ведь этого так мало! Когда они все соберутся на даче, надо будет обязательно расспросить ее обо всех подробностях. И, может быть, даже кое-что записать... Конечно, в один вечер тут не уложишься, но ведь у них с бабушкой впереди целое лето!

Бабушка наконец прочитала краткое изложение заслуг своего отца, но, переvedя дух, пробежала его глазами еще раз. Потом откинулась на спинку кресла и закрыла лицо руками. Сережа испугался.

— Бабушка, тебе плохо? Что с тобой, бабушка?

Она убрала руки от лица. В ее выцветших глазах стояли слезы.

— Я нашла его! Мы нашли его! Нашли моего отца! Через столько лет... Это такой подарок папе, он так хотел разыскать хоть какие-то следы своего деда. Спасибо тебе, Сережа. Спасибо отцу Нади! У меня самой это вряд ли бы получилось.

И тут зазвонил ее телефон, оставленный на кухонном столе.

— Такси! — закричал Сережа. — Это такси!

— Быстро одеваться! — скомандовала бабушка своим обычным тоном.

Они вышли из подъезда. Их уже ждала новенькая иномарка. Сергей сбежал со ступенек и распахнул перед бабушкой дверцу автомобиля. Бабушка всегда долго устраивалась в машине: большая нога и возраст делали свое дело. Сергей подождал, пока она удобно расположится на переднем сиденье, потом аккуратно, как учил папа, захлопнул дверцу и быстро занял место позади...

Бабушка заметила сдержанную улыбку таксиста.

— В аэропорт? — спросил он.

— В аэропорт! — хором ответили бабушка с внуком.

